

INSPIRIA

КРАСНАЯ ГИЕНА

ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

ОТ ОБЛАДАТЕЛЬНИЦЫ МЕКСИКАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ

ПРЕМИИ «ПОВОРОТ КЛЮЧА»

ВЕРОНИКА ЛЬЯКА

INSPIRIA

Вероника Эскаланте Льяка
Красная гиена
Серия «Ток. Upmarket Crime
Fiction. Больше чем триллер»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70313488
ISBN 978-5-04-199414-3

Аннотация

ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ.
ОТ ОБЛАДАТЕЛЬНИЦЫ МЕКСИКАНСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕМИИ «ПОВОРОТ КЛЮЧА».

Она жила на самом деле, эта женщина, которую пресса окрестила Гиеной. Дьяволицей. Людоедкой. Расчленительницей. Фелиситас Санчес Агильон не только делала тайные аборты, но и убила десятки уже рожденных детей. И именно в ее жуткой истории – ключ к убийствам, совершенным спустя сорок лет после ее смерти...

Сан-Мигель-де-Альенде, Мексика, 1985 год. Владельцы двух похоронных агентств обнаруживают у своих дверей по женскому трупу. Две девушки, две подруги, сидят с широко раздвинутыми ногами, руки сложены на огромных животах – под одеждой подушки, имитирующие беременность. У каждой во лбу – идеально круглое отверстие. И ни капли крови. Точно так

же обставлялись убийства в самом известном романе Игнасио Суареса – местного автора детективов. Сам же Суарес получает фото трупов с надписью «Найди меня», а через некоторое время погибает в автокатастрофе. И единственной зацепкой остается некая загадочная рукопись...

Переплетая два хронологических пласта, две триллерные интриги и две психологические драмы, автор создает мрачную историю о психологии убийц и кровавых узах, о том, как рождается зло и как далеко можно убежать от прошлого...

Содержание

Первый фрагмент	10
1	20
2	23
Второй фрагмент	28
3	35
4	41
Третий фрагмент	47
«Вестник альенде»	54
5	56
6	60
Четвертый фрагмент	66
«Вестник альенде»	82
7	84
8	94
Пятый фрагмент	100
9	105
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Вероника Льяка

Красная гиена

Verónica E. Llaca

LA HERENCIA

La Herencia © by Verónica Escalante Llaca, 2021. By agreement with Pontas Literary & Film Agency.

Дизайн и фото на переплете © Tatiana Parceró

Орнамент Алексея Дурасова

© Петухова Е. В., перевод на русский язык, 2023

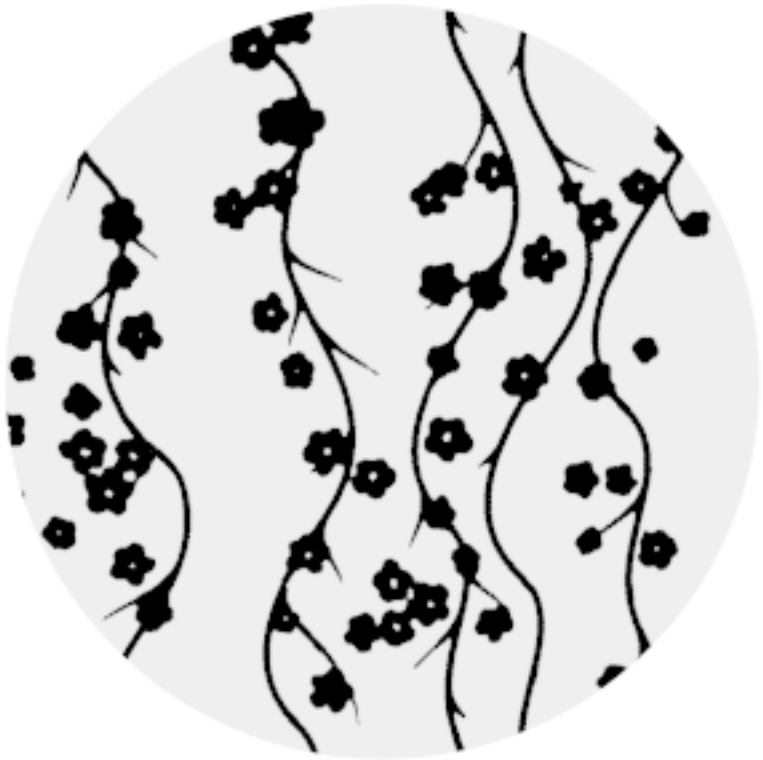
© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

© Verónica Escalante Llica

Вероника Эскаланте Льяка родилась в 1967 году в Мексике, в штате Керетаро. Многие годы проработав журналисткой, в 2003 году она получила стипендию от Фонда новой ибероамериканской журналистики, основанного Габриэлем Гарсиа Маркесом. Обладательница национальной премии «Поворот ключа» за лучший роман в жанре нуар. Помимо романов и статей пишет пьесы, а также преподает писательское мастерство. Живет как в родном штате, так и в Мадриде.

*Ане, Луисге¹, Монтсе и ХП,
которые вылетели из гнезда и плодятся, пока я
пищу.*

¹ В испаноязычной традиции двойные имена иногда сокращают, прибавляя к первому имени первый слог второго, т. е. Луисга может означать, напр., Луис Габриэль; в дальнейшем персонажа по имени Хосе Мария будут называть Хосема именно по этой причине (*прим. ред.*).

Луису, как всегда.

Всем, кто знаком с депрессией и тревогой.

Ты с нетерпением ожидаешь следующего импульса, чтобы узнать не то, где окажешься, но что именно тебя влечет. Потом успокаиваешься на какое-то время. Пока снова не почувствуешь нетерпение.

Рамон Кордова

Бедный повар, зная, что с людоедкой шутки плохи, взял большой нож и поднялся в комнату маленькой Авроры.

Шарль Перро.

Спящая красавица

Ветер налетает на тело, играет каштановыми локонами, будто вдыхая в них жизнь. Наблюдающий за сценой мужчина делает медленный выдох – сигаретный дым тут же тает в воздухе. Он бросает окурок на землю, медленно затаптыкает, поднимает и кладет в карман брюк. Подойдя к девушке, пытается поправить ей волосы, но ветер снова разметывает пряди. Мужчина приближает объектив, наводит фокус на труп и нажимает кнопку. Через несколько секунд камера выплевывает снимок. В мерцающем свете фонаря ветер вздымает с земли сухие листья и опускает на колени девушки.

Мужчина отходит, садится в машину и исчезает в ночи.

Первый фрагмент

Жила-была женщина, которую пресса окрестила Гиеной. Четвертовательницей малюток. Дьяволицей. Шинковательницей детей. Людоедкой из Ромы². Расчленительницей ангелочков. Чудовищем.

Ее имя – Фелиситас Санчес Агильон.

Мы с Хулианом называли ее матерью.

Она твоя бабушка.

Не знаю, зачем рассказываю тебе историю моей матери. Нашу историю. Никто не помнит ее от начала до конца, лишь урывками. Предательский мозг спорадически посылает нам порции ложных сигналов и неспособен воспроизвести всю сцену. Только фрагменты, которые мы вынуждены интерпретировать.

Однако я должен начать издалека, в качестве зрителя из толпы, затерянного в нескольких рядах от подмостков, где мне выпало играть роль сына убийцы.

Мать появилась на свет в 1890 году на тогдашней асьенде Серро-Асуль³ – идеальное название для колыбели сказочной принцессы, а не места рождения людоедки.

² Рома – район Мехико (здесь и далее – прим. пер., если не указано иное).

³ Асьенда – поместье, ферма в Латинской Америке. Серро-Асуль (исп. Серро Azul – «синий холм») – административный центр одноименного муниципалитета в штате Веракрус; в 1983 году получил статус города.

Обитателей поселения, расположенного в регионе Уастекапан, одинаково допекали мухи и жара, а дремотный образ жизни культивировался наравне с кукурузой и бобами. Работники асьенды, в большинстве своем потомки индейцев-уастеков, под гнетом завоевателей до такой степени погрузились в отупляющую атмосферу бедности и бездействия, что регион на севере штата Веракрус получил прозвище «Спящая красавица». Подобное совпадение не перестает меня удивлять: в одноименной сказке Перро впервые литературным персонажем становится людоедка.

У матери Фелиситас, моей бабушки, был какой-то врожденный порок, который по незнанию путали с типичной в ее роду заторможенностью. В пятнадцать лет она обладала умственным развитием семилетнего ребенка и мощно развитым телом, менструируя каждые двадцать восемь дней. В том же возрасте ее изнасиловал двоюродный брат, в результате чего родилась моя мать. Она росла в загоне для скота, куда их обеих заперли по приказу хозяина: противоестественное хрюканье и стоны моей бабушки резко выделялись на фоне пения певчих птиц, кряканья уток и воя койотов.

Нет. Все было не так. Я строю догадки. Фантазирую.

Бабушка умерла через день после родов. Она рожала на корточках и вытолкнула ребенка на одеяло, покрывавшее земляной пол, а затем легла с новорожденной на грязный матрас да так и уснула, истекая кровью. Девочка росла никому не нужной, голышом, на том же запятнанном нечистотами мат-

расе; только моя прабабка, просившая милостыню на пропитание, время от времени давала малышке бутылочку, не поднимая ее на руки...

Очередная выдумка.

Я пытаюсь сочинить неизвестное мне прошлое: обстоятельства рождения моей матери. У меня нет сведений о ее детстве, юности, большей части взрослой жизни. Лишь общие детали: крайняя бедность поселения, где она родилась; асьенда, расположенная на огромном нефтяном пласте. Хозяев лишили собственности при помощи старой как мир фразы: «Или продадите сами, или мы купим у вашей вдовы». Крестьянам пришлось стать рабочими нефтяных компаний. Они бурили скважины, строили железнодорожные пути, дома, дороги. Поселение перестало быть деревней, число жителей выросло. Родня Фелиситас никогда не предполагала, что раскаленный солнцем, изолированный от мира ненасытной и буйной растительностью клочок земли, окруженный горами и плавящийся в жарком климате, где часы текли бесконечно, станет муниципалитетом.

Желание раскопать корни матери подстегнуло меня связаться с кем-нибудь из родственников. Я нашел в реестре запись о ее рождении, имена моих бабки с дедом. Но прошло так много времени, что я не смог никого разыскать. Мне не хватает сведений и воображения, чтобы проследить истоки аномалии.

Наука выделяет следующие предпосылки для формиро-

вания убийцы (словно речь идет об ингредиентах для рецепта): неблагополучное семейное окружение, жестокие родители-алкоголики, возможно, близкий родственник с психическим заболеванием. Серьезное физическое и психологическое насилие над ребенком. Бесчувственная, холодная, отстраненная мать. Отсутствие физического контакта или эмоциональной связи. Различные травмы: жестокое обращение, травля в школе. Наркотики, сексуальные расстройства. Добавим еще наследственность, хитросплетения генетики. Жаль, нет тревожного сигнала, который срабатывал бы всякий раз при появлении аномалии, чтобы можно было следить за ее развитием или мгновенно от нее избавиться. Возможно, моя бабка предчувствовала судьбу дочери и хотела спасти ее, окрестив счастливым именем⁴.

Рост матери не превышал метра пятидесяти – почти карлица с широким туловищем, непропорциональными конечностями, выпученными глазами и мощной, как у аллигатора, нижней челюстью. Полагаю, в утренние часы, когда туман стелется над землей, несуразная фигура и маленький рост превращали мою мать в химеру, в людоедку, которой она еще не стала; хотя, возможно, была ею всегда.

В 1907 году, в разгар нефтяного бума, семнадцатилетняя Фелиситас уехала из Серро-Асуль в Халапе⁵ и по рекомендации двоюродной сестры нашла место домашней прислуги в

⁴ Felicitas (от исп. feliz) – счастливая.

⁵ Халапе – столица штата Веракрус.

доме врача. Однако жену доктора пугали габариты, раздражительный нрав и необщительность служанки. Тогда хозяин устроил ее администратором в свою недавно открывшуюся клинику, где, помимо лечения недугов, занимались родовспоможением. Спустя некоторое время, освоившись со служебными обязанностями, Фелиситас заинтересовалась профессией медсестры. В один прекрасный день с позволения доктора она сменила свой необъятный балахон на медицинскую униформу, а сандалии на туфли, обнаружив в себе страсть к обуви. Фелиситас усердно осваивала новую профессию, не подозревая, что через двадцать лет та превратится для нее в прибыльное дело.

Прерву здесь эту... биографию и открою тайную причину, побудившую меня написать историю моей матери: желание оправдать перед тобой свои поступки. Я пишу ради искупления, очищения.

Спустя год после начала работы в клинике Фелиситас помогала принимать детей, а через два вернулась в свою деревню. Двадцать четыре месяца обучения сестринскому делу позволили ей завоевать авторитет среди односельчан, большинство из которых с трудом оканчивали начальную школу. Сама Фелиситас доучилась только до третьего класса.

Пока над страной бушевали ветры революции, в удаленном регионе с подачи Порфирио Диаса⁶ активно развива-

⁶ Хосе де ла Крус Порфирио Диас Мори (1830–1915) – мексиканский диктатор рубежа XIX–XX вв.

лась нефтедобыча. Непрерывный поток добываемых ежедневно баррелей черного золота способствовал росту поселения. Приезжие, в основном американцы, некоторые с семьями, а также выходцы из других штатов, устраивались на работу в компанию «Уастека петролеум». С увеличением числа жителей росло и количество родов, которые требовалось принимать: не только детей из новых семей, но и внебрачных отпрысков нефтяников по всей территории Фаха-де-Оро⁷.

Я убежден, что история нашей жизни записана в наших телах языком, до сих пор нами не расшифрованным: в линиях ладоней, в рисунке отпечатков пальцев, в морщинах, родинках или пятнах на коже. На ум приходят годовые кольца, по которым можно проследить возраст дерева, чередование дождливых и засушливых сезонов. В жизни моей матери отдельные вехи тоже выделялись ярче других – в кино подобные моменты сопровождаются фоновой музыкой, звуковым эффектом, предупреждающим, что все вот-вот изменится. В ее жизни появился мужчина – Карлос Конде, мой отец.

* * *

Эдвард Доусон, акционер одной из нефтяных компаний,

⁷ Фаха-де-Оро (*исп.* Faja de Oro – «золотой пояс») – богатые нефтью районы в Мексике.

познакомился в Сан-Луис-Потоси с Карлосом Конде, рабочим, занятым на бурении. Мой отец из кожи вон лез, чтобы отличаться от остальных: носил не огромное сомбреро, как большинство мексиканцев, а шляпу поменьше; выучил начальный английский и подражал американцам в манере одеваться. Сын матери-одиночки, он с четырнадцати лет работал на шахте Ла-Консепсьон – до пожара, который привел к ее закрытию. В то время в регионе уже эксплуатировались нефтяные месторождения, и Конде устроился на буровую установку Доусона. Американец взял его с собой в Веракрус, где обосновался со своей женой Дороти.

В ноябре 1910 года, когда разразилась революция, Доусон поручил Конде найти акушерку для его жены. Роды начались раньше срока, и американский врач не смог прибыть вовремя из-за военных действий. Дороти Доусон отвергла предложенную кандидатуру, заявив, что ни одна индианка к ней не притронется, но больше ничего сказать не успела: схватки участились, и у нее не было другого выбора, кроме как согласиться на услуги Фелиситас. Появившаяся в результате сложных родов девочка умерла через несколько дней.

По возвращении домой моя мать посмотрелась в зеркало в ванной и остро почувствовала себя индианкой. Ее это не обрадовало. Она нашла ножницы и отрезала длинную черную косу.

Однако вследствие неудачных родов на свет явилось нечто сильное и крепкое: болезненное любопытство Карлоса

Конде к акушерке. Ему понравились ее сноровка и уверенность в обращении с женщиной, говорившей на чужом языке и презиравшей ее из-за происхождения.

Он стал навещать Фелиситас, поддавшись притяжению черной дыры, которую представляла собой моя мать, не подозревая, что ни материя, ни энергия, ни даже свет не могут из нее вырваться. Фелиситас, не избалованная мужским вниманием, не хотела приглашать его в комнату, где жила. Она надела выходные туфли, купленные в Халапе, и приняла ухаживания Конде, удивляясь, что кто-то проявляет к ней интерес. Не знаю, связывала ли моих родителей любовь или подобное чувство; несомненным фактом было их негласное партнерство в теневом бизнесе.

Через события, определивших судьбу родителей, началась с женщины, совсем молоденькой, отказавшейся оставить у себя новорожденную дочь – продукт изнасилования, совершенного одним из приезжих нефтяников. «Мне она не нужна. Продайте ее, найдите другую мать, другую семью, делайте с ней что хотите. Я заплачу». Дочка у смуглой индианки родилась светлокожей, с голубыми глазами, как у большинства работавших в регионе американских инженеров. Карлос Конде предложил малышку Дороти Доусон, и та неожиданно ее купила. К первому звену в цепи присоединились десятки других. Поползли слухи, и к Фелиситас по разным причинам стали обращаться женщины, платившие, чтобы избавиться от детей. Младенцев она продавала в но-

вые семьи.

Фелиситас и Карлос Конде поженились 6 июня в тот год, когда революция положила конец правительству Диаса и обрушила мексиканский нефтяной рынок. Железные дороги были разгромлены, поезда уничтожены, многие иностранцы покинули страну. Доусоны, однако, остались и растили дочь наполовину американкой, наполовину мексиканкой в регионе, который казался неисчерпаемым.

Однажды майским утром 1914 года, через несколько дней после высадки американских войск в порту Веракруса, Фелиситас родила девочку, мою сестру. В Уастеке антиамериканские настроения превосходили революционные: казалось, военные поставили целью изгнать янки. Помимо армии существовали изолированные группировки, банды воров, которые рыскали по округе, грабили и запугивали сельских жителей и работников буровых. Однажды ночью моих родителей разбудил звон разбитого стекла: в дом ворвались пятеро пьяных мужчин, вооруженных пистолетами и мачете. Отца вытащили из постели и забили до полусмерти. Бандиты знали, что он работает с Доусоном. «Нравится ублажать гринго, ублюдок? Посмотрим, смогу ли я ублажить твою женушку».

Отец попытался встать. Кровь заливала ему лоб и глаза – он не заметил стремительное и точное движение, которым ему сломали правую руку. Карлос Конде вновь упал и свернулся калачиком на полу, прижимая руку к груди; после сле-

дующего удара, ногой в лицо, все погрузилось во тьму. Он не видел, как бандиты набросились на мою мать, не слышал ее криков, смешанных с улюлюканьем мужчин. Очнувшись, он нашел жену с разбитым, опухшим, посиневшим лицом на развороченной кровати, где Фелиситас качала на руках нечто похожее на сверток одеял.

Отец вскарабкался к ней, истекая кровью: локтевая и лучевая кости его руки торчали наружу. Фелиситас подняла глаза, затем снова устала на сверток. Из складок ткани высовывалась маленькая ножка. Отец так и не узнал, что произошло дальше и как он попал в клинику, где лечили сотрудников нефтяной компании. Когда его отпустили, он вернулся к жене домой, и они похоронили свою пятимесячную дочь под толщей неловкого молчания.

Двадцать семь лет спустя, в тюрьме, лежа на полу рядом с решеткой своей камеры, моя мать кричала, чтобы ее выпустили, потому что ей нужно заботиться о дочери.

1

Пятница, 30 августа 1985 г.

5:00

Ветер не давал ей спать, вкрадывался в сон и монотонно гудел над ухом, как назойливый мотылек. Лейтмотив, до жути напоминавший предсмертный хрип, казалось, исходил от подготовленных к погребению тел. Вот уже пять лет Вирхиния замужем за владельцем «Похоронного бюро Альдамы», но до сих пор не привыкла к смерти.

Она ощупывает тумбочку в поисках часов, не включая света, чтобы не разбудить мужа, нажимает кнопку в центре, и ее лицо озаряется голубоватым свечением. Пять утра. Страх, что кошмар вернется, вынуждает Вирхинию встать. Она накидывает небесно-голубой халат поверх ночной рубашки и идет в ванную. Сидя на унитазе, замечает на трусах влажное пятно. Такое иногда случается после дурных снов. «Однажды я намочу постель», – думает она, меняя нижнее белье.

Почистив зубы, женщина смотрит на себя в зеркало, расчесывает волосы пятерней, потом на цыпочках выходит из спальни и спускается в похоронное бюро. В зале, где стоят гробы, Вирхиния проводит пальцем по крышке одного из них и думает, что на уборку уйдет целое утро. Она отпирает задвижку на двери и выходит на улицу, вооружившись мет-

лой, чтобы убрать с тротуара мусор, оставленный ночными порывами ветра.

Табличка над дверью гласит: «Похоронное бюро Альдамы». Фонари гаснут по мере того, как солнечные лучи рассеивают тьму. Вирхиния кладет метлу на землю и в разгорающемся утреннем свете замечает бесформенный объект, прислоненный к стене прямо под окном.

Она неуверенно подходит, прищуривается и видит сидящую на тротуаре девушку. Вирхиния протягивает руку и трясет ее за плечо. Девушка не шевелится – похоже, спит. Или пьяна, думает Вирхиния. Солнце восходит еще немного, и ее худшие опасения подтверждаются. Женщина медленно приседает на корточки. Она сталкивается с мертвецами каждый день, но только в стенах похоронного бюро.

Сзади подходит соседка; сосредоточившись на багровом лице покойницы, Вирхиния не слышит шагов.

– Вирхиния!

От оклика она вздрагивает и падает навзничь. Женщина бежит на помощь. Вирхиния пытается одернуть ночную рубашку, чтобы прикрыть недавно переодетые трусы, и указывает на тело. Соседка зажимает рот руками, заглушая крик, и смотрит на молодую девушку, сидящую на земле. Ноги покойницы раздвинуты, руки сложены на большом, как у беременной, животе, взгляд помертвевший, рот открыт, длинные каштановые волосы разметались, а макияж превратился в засохшую маску, которая только подчеркивает гримасу

смерти.

Их крики будят жителей окрестных домов. Первым возле женщин появляется муж Вирхинии, сеньор Альдама. Он берет жену за руку, помогает ей встать, и она припадает к его груди.

– Вызови полицию! – приказывает сеньор Альдама соседскому парнишке, который с любопытством разглядывает покойницу.

2

Пятница, 30 августа 1985 г.

6:35

Спустя час, в шесть тридцать утра, в пяти улицах оттуда Леопольдо Лопес, владелец «Современного похоронного бюро», выходит из своего кабинета с чашкой кофе в руке. Он спал в конторе: вдова покойника, дежурившая у гроба в ритуальном зале номер два, ни в какую не хотела уходить. Выпроводить ее удалось лишь в четыре утра.

Леопольдо Лопес обходит бюро. Поднимает крышку гроба – убедиться, что мужчина внутри все еще на месте, в том же положении, в каком его оставили накануне, разве только чуть сильнее окоченел. Он поправляет цветы, готовит кофейник, заменяет грязные чашки чистыми, расставляет на столах новые коробки с одноразовыми салфетками, распыляет в помещении освежитель воздуха с запахом лаванды, открывает окна, чтобы выпустить отравленный скорбью воздух, и крестится перед висящим посреди зала распятием. Зажигая свечи, Леопольдо слышит крики на улице и стук в дверь. Он гасит спичку, спешит к выходу и на пороге видит свою помощницу. «Она мертва, мертва!» – кричит женщина так пронзительно, что Леопольдо подносит руку к правому уху, где у него установлен слуховой аппарат, и убавляет

громкость. Работница хватает его за руку и тащит к телу девушки, сидящей на земле с раздвинутыми ногами и откинутой на стену головой, прямо под надписью «Современное похоронное бюро». Он привык к мертвым, поэтому сразу распознает это выражение лица. Леопольдо Лопес возвращается в контору с помощницей, виснувшей у него на руке, и вызывает полицию.

Потом опять выходит, приближается к телу молодой женщины, медленно приседает на корточки и морщится от боли, чувствуя хруст в коленях. Опираясь на ладонь, чтобы не упасть, смотрит на покойницу, чьи руки сложены на раздутом животе. Протягивает палец к маленькому отверстию во лбу, почти точно по центру между бровей.

– Не надо! – раздается у него за спиной голос прибежавшего на крики хозяина мелочной лавки на углу. Лопес пытается встать, и мужчина ему помогает. – Не трогайте ее, дон Леопольдо, не то оставите отпечатки пальцев на одежде, и вас обвинят в убийстве.

Леопольдо кивает:

– Неужто отпечатки могут остаться на одежде? – Он оглядывает красную юбку девушки и единственную туфлю.

– Да, я видел в одной передаче... Такая хорошенькая, вот жалость.

– Совсем еще юная, почти ребенок.

Леопольдо увеличивает громкость слухового устройства и слышит вдалеке сирену.

* * *

Ближе к полудню тела убитых девушек покоятся на металлических столах в морге, где их готовит к осмотру судмедэксперт Эстебан дель Валье.

В управлении следственной прокуратуры Вирхиния и сеньор Альдама повторяют то же самое, что твердили все утро. Женщина никогда прежде здесь не бывала, место кажется ей безликим, пугающим, замкнутым, серым и шумным; оно гудит, как улей, и с каждой секундой все громче.

– Почему вы вышли из дома так рано? – в сотый раз спрашивает ее мужчина, представившийся инспектором Диасом. – Вы слышали что-нибудь странное ночью? Видели кого-нибудь рядом с телом?

– Нет, я никого не видела, было темно, – раздраженно повторяет Вирхиния. Она устала и вспотела; ей не дали принять душ, она еле успела переодеть ночную рубашку и халат. Ей не нравится выходить на улицу вот так, распустехой, а тут еще духота, от которой нет спасения, сколько ни обмахивайся. – Когда я вышла из дома, едва начало светать.

* * *

В паре столов справа Леопольдо Лопес и его служащая,

которая прижимает к груди сумку, разговаривают с другим мужчиной, назвавшимся офицером Родригесом. Леопольдо косится на Вирхинию, чей пронзительный голос вынуждает его вновь уменьшить громкость слухового аппарата.

– Во сколько вы обычно приходите на работу? – спрашивает мужчина у Леопольдо.

– В шесть утра. Когда остаюсь допоздна, сплю в кабинете, у меня там раскладной диван и сменная одежда.

– А вы? – обращается он к женщине.

– В семь. Сегодня пришла пораньше, потому что хозяин оставался на ночь и я решила помочь ему привести зал в порядок до того, как соберутся родственники покойного. Они, наверное, с ума сходят: месса должна была начаться в десять, а сейчас почти полдень.

Офицер отрывается от рапорта, кивает и спрашивает Леопольдо, направив на него синюю ручку «Бик», которую держит в руке:

– Во сколько ушел последний посетитель?

– Около четырех утра.

– И тела девушки еще не было?

– Не знаю. Я поскорее закрыл дверь, чтобы не налетела земля.

– А люди, которые вышли, ничего не видели?

– Вряд ли. Они побежали к машине, спасаясь от поднятого ветром мусора и пыли.

– Значит, вы не слышали ничего необычного?

– У меня слуховой аппарат. – Леопольдо указывает на правое ухо. – Я плохо слышу.

Глянув на устройство, офицер вновь кивает, трет подбородок и записывает: «Глухой свидетель».

В два часа дня их отпускают, предварительно уведолив, что вызовут снова, если потребуются дополнительные показания. Вирхиния с мужем и Леопольдо Лопес знают друг друга много лет; какое-то время они даже вели баталии, пока не поняли, что смертей хватит на всех.

– Похоже, кто-то хочет очернить похоронные бюро, – тихо говорит Вирхиния, закуривая.

– Кто стал бы убивать двух девушек, чтобы навлечь на гробовщиков дурную славу? Ради бога, женщина, не говори глупостей! – Сеньор Альдама берет у жены сигарету и делает затяжку.

– Не знаю, кто-нибудь, – отвечает она, забирая сигарету. – Покойница так и стоит у меня перед глазами.

– Ты повидала много мертвых.

– Это другое.

– То же самое, просто очередной мертвец.

– Мне пора, у меня в конторе еще один покойник. – Леопольдо Лопес взмахивает рукой перед проезжающим такси.

– Вот зануда, – говорит Вирхиния и бросает окурочек на землю. – Идем.

Второй фрагмент

В середине 1923 года произошли два события. В дом моих родителей заявился мужчина с женой на восьмом месяце беременности, у которой открылось обильное кровотечение. Акушерка приняла ее, и через несколько минут пациентка исторгла последний выдох вместе с мертвым ребенком. Некоторое время спустя муж вернулся с двумя братьями, вооруженными мачете и готовыми уничтожить все, что попадется под руку. На помощь родителям пришли соседи и пригрозили вызвать полицию. Нападавшие поклялись вернуться.

Вторым событием стало падение мировых цен на нефть. Производительность компаний снизилась до минимума, и Карлос Конде попал под сокращение. Рука у отца так и не зажила, он с трудом ею пользовался, и его списали со счетов как инвалида. Он перестал быть незаменимым для Эдварда Доусона, который легко мог найти на место Конде другого работника, здорового и полного рвения. Поэтому родители решили переехать в столицу.

После нескольких недель поисков они нашли дом номер девять по Серрада-де-Саламанка с магазинчиком на первом этаже. Фелиситас и представить себе не могла, что у нее будут выкрашенные в белый цвет стены, керамические полы, патио, кухня с плитой и кладовая с полками, превыша-

ющая размерами ее клетушку в Серро-Асуль. Место хранило следы пребывания прежних обитателей: кроме мусора, здесь обнаружили стол и матрас – единственные предметы обстановки. Шум машин, трамваев, грузовиков, пешеходов и велосипедистов слагались в симфонию нового звукового окружения, к которому предстояло привыкнуть.

Фелиситас хотела переехать в Халапу: она никогда не покидала родного штата и вдали от Серро-Асуль чувствовала себя чужестранкой среди тысяч людей, населяющих Мехико. Муж твердил о возможностях, которые им представятся, ведь столько беременных не в состоянии позволить себе частную больницу или получить доступ к государственным услугам. «Мы откроем клинику», – пообещал он.

В качестве мысленного эксперимента я хотел бы влезть в шкуру моей матери. Раскопать корни ее истории. Я исследовал свое сердце на предмет чувств к ней и почти уверен, что вначале это была любовь, которую все дети испытывают к родителям, нечто вроде рефлекса, ныне утраченного.

Карлос Конде на словах договорился об аренде помещения в беднейшем квартале Ромы, вдали от главных проспектов, где преобладали особняки французского, колониального, арабского, неоготического и римского стилей – собственность социального класса, отсутствующего в Серро-Асуль. Хозяйка не пожелала вникать в подробности того, чем они будут заниматься, лишь предупредила, чтобы не беспокоили соседей.

Прогуливаясь по улицам, Фелиситас ощущала себя не в своей тарелке среди женщин на высоких каблуках, в юбках и платьях, так непохожих на вышитые балахоны, привезенные ею из деревни. Первым делом в столице мать купила черные туфли на каблуках, хотя пришлось согласиться на модель, подходящую по ноге. Она испытывала потребность смешаться с толпой, сойти за женщину из большого города.

Кем была ее первая клиентка? Как о Фелиситас пошла молва? Представим, что у некой женщины по соседству начались преждевременные роды, с обильным кровотечением и болями, вынуждающими ее оглашать криками утреннюю тишину. Муж в отчаянии выбежал на улицу просить о помощи. Карлос Конде, как и каждый день, направлялся на поиски работы: денег у них было в обрез, а человеку с искаленной рукой трудно устроиться. Услышав крики, он мигом вернулся домой и привел Фелиситас к роженице. На свет появился здоровый младенец, девочка. Слухи распространились быстро; других акушерок в округе не было, и вскоре ее позвала вторая женщина, потом еще одна и еще. На заработанные деньги приобрели мебель. Фелиситас стала ходить в новой одежде и обуви.

Клиентки поговаривали, что она также знает, где достать детей. И вот, через три года после переезда в столицу, в 1926 году супруги возобновили торговлю детьми.

Потом появился ребенок, которого они не смогли продать. Шли дни, младенец, голодный и грязный, отчаянно

плакал. Покупателей не находилось. Спрос не всегда соответствовал предложению.

А он все плакал и плакал.

Однажды утром Фелиситас вынула мальчика из коробки, где тот лежал, и отнесла в ванную. Ребенок жадно искал грудь. Она прижала большими пальцами шейку новорожденного, который не переставал плакать. Затем усилила нажим, и младенец начал извиваться, хватая ртом воздух, как вынутая из воды рыба.

Глядя на него своими выпученными глазами, мать сдавила сильнее. Маленькие ручки обмякли, губы приобрели бледно-лиловый оттенок, головка медленно опустилась под действием силы тяжести.

Тишина.

Фелиситас наконец расслабилась. Оставив крошечное безжизненное тельце в холодной керамической раковине, она посмотрела на свои руки – ручищи, – сжала кулаки и вздохнула.

Затем прошла на кухню, взяла нож и вернулась в ванную. Несколько минут она разглядывала труп. Потом указательным и большим пальцами ухватила ножку и спокойно отсекала, как делала с мертвыми эмбрионами, смывая маленькие кусочки плоти в унитаз.

Через два года после переезда родителей в Рому на их пороге появилась женщина с короткой стрижкой, в шляпе с узкими полями, в юбке до колен, с подведенными бровями и

красными губами сердечком – как у многих, кто позже обращался к моей матери. Она вышла из черного «Шевроле» 1925 года выпуска. Первая из «приличных сеньорит», как их называл мой отец. Женщина посмотрела в один конец улицы, затем в другой, дрожащими руками открыла портсигар и закурила, с трудом поднеся пламя к сигарете. Слегка закашлявшись, она велела водителю подождать и глубоко вдохнула, чтобы избавиться от волнения. Ветер разогнал завитки дыма. Она поправила шляпу и зашагала к дому, опустив глаза в землю, сосредоточившись на стуке каблуков. Время от времени женщина поднимала взгляд, измеряя расстояние до цели. Наконец остановилась перед дверью с номером девять, сделав последнюю затяжку, бросила окурки и впечатала его в землю, словно подавляя желание развернуться и поехать домой.

Неожиданно большая горячая слеза скатилась по ее лицу и упала на тротуар. Женщина распрямила спину, вытерла нос платком из сумки, поправила шляпу, откашлялась и постучала в дверь. Послышались шаги. Она едва не бросилась бежать, но взяла себя в руки.

– Здесь принимает акушерка? – быстро, пока не передумала, спросила посетительница.

В ответ Карлос Конде приоткрыл дверь еще немного, впуская гостью в дом, и указал на пару стульев в закутке, служившем приемной. Женщина медленно села, положила сумку на колени, разгладила юбку, отгоняя сомнения, и упер-

лась взглядом в мозаичный пол. Вскоре появилась Фелиситас. Ощущая бегущий по венам холод, посетительница вскочила на ноги, открыла рот, чтобы представиться, но из-за волнения смешалась и пробормотала первое пришедшее на ум имя – своей невестки. Фелиситас кивнула. Съеживаясь перед этой карлицей, чей рост не превышал полутора метров, женщина непослушными пальцами извлекла из сумки конверт.

– Я жду ребенка и хочу, чтобы вы избавили меня от него.

– Для беременной ты чересчур худая.

Карлос Конде схватил конверт и вынул деньги.

– Я хочу, чтобы вы его удалили... – едва слышно повторила женщина. – Прервали беременность.

– Я не делаю абортов.

Достав еще одну пачку банкнот, просительница застыла в нерешительности. Карлос Конде протянул руку и молча пересчитал деньги, а женщина вновь села, опасаясь, что в любой момент у нее подогнутся ноги.

– Какой у тебя срок?

– Думаю, четыре месяца.

– Ты слишком долго тянула, я не могу поручиться ни за результат, ни за твою жизнь.

– Мне нельзя рожать этого ребенка.

– Вы пришли по адресу, – вклинился Карлос Конде. – Работа есть работа, – внушительно обратился он к акушерке.

Посетительница встала. Фелиситас молча смерила ее

взглядом сверху донизу, уделив особое внимание туфлям.

– Где купила?

– В Париже.

– Красивые.

Кивнув, женщина пошла за акушеркой с таким чувством, будто ступила в один из кругов Дантова ада с Фелиситас в роли Вергилия. Она отбросила эти мысли и сосредоточилась на своей семье и муже, члене правительства при президенте Кальесе⁸. «Я не хочу больше детей», – сказал ей супруг. «И что мне делать?» – спросила она. «Это твоя проблема, четверых мне достаточно – и точка», – заявил он.

Женщина инстинктивно приложила руки к животу и на несколько секунд зажмурила глаза, прощаясь с ребенком, которого ждала.

Сама того не ведая, она открыла для Фелиситас новый источник дохода.

⁸ Плутарко Элиас Кальес (1877–1945) – президент Мексики в 1924–1928 гг.; также де-факто управлял страной в период 1928–1936 гг.

3

Пятница, 30 августа 1985 г.

9:00

Еще не до конца отогнав образы из сновидения, Елена Гальван протягивает руку, чтобы коснуться тела Игнасио Суареса, но пальцы находят только холодную простыню. Ей снится брат Альберто: они дети, в незнакомом доме, который разваливается на части... Прежде чем открыть глаза, она различила отзвук мальчишеского смеха. Елена медленно приоткрывает веки и тут же зажмуривается от света: резкая боль напоминает о двух бутылках красного вина, выпитых накануне вечером. Прикрывая лицо ладонью на манер жалюзи, она заставляет себя снова разлепить веки.

– Игнасио, что случилось?

Он сидит на краю кровати, спиной к ней, уперев локти в колени и уткнувшись лицом в ладонь левой руки. Обнаженное тело вздрагивает от взволнованного, прерывистого дыхания. Елена подползает ближе; кровать скрипит – мебель в спальне не менялась с тех пор, как она была подростком. Старый деревянный каркас пережил два новых матраса, нескольких любовников, тихие ночи, кошмары и почти три года нежного покачивания на волнах любви Игнасио.

Он подпрыгивает от прикосновения пальцев Элены, очер-

чивающих шрам в форме полумесяца на его правой лопатке, проводит рукой по серебристым волосам и закрывает рот ладонью, как будто силясь удержать слова, рвущиеся наружу...

Белая простыня соскальзывает с тела Элены, когда она обнимает Игнасио сзади и прижимается обнаженной грудью к его спине:

– Возвращайся в постель, полежим еще немного. У меня голова трещит, двух бутылок явно было многовато. Или мне убедить тебя по-другому?

Рука Элены скользит по его телу, касается кончика члена и начинает играть с вялым органом, чтобы привести тот в состояние готовности, но Игнасио отталкивает ее руку и встает.

– Убили двух девушек. – Не глядя на Элену, он делает шаг к окну, где едва заметно колышется занавеска.

– Что? У тебя был кошмар из-за этой твоей писанины.

– Нет, Элена, послушай, – настаивает он и показывает ей две фотографии. – Вот, подбросили под дверь. Не знаю, в котором часу. Я встал в туалет минут двадцать назад и увидел их.

Игнасио оставляет на постели две поляроидные фотографии. Элена подается вперед, чтобы взять снимки; ее соски касаются одеяла, длинные черные волосы на мгновение скрывают лицо, как занавес. Потом женщина откидывается на темное деревянное изголовье кровати и одной рукой заправляет волосы за ухо. Игнасио широкими шагами подхо-

дит к окну; она наблюдает за его обнаженным телом, за стариковскими ягодицами, как он неоднократно шутил. Ей нравятся и они, и пятна на этом смуглом теле, рельеф которого она исследовала ладонями, глазами, языком. Елена медленно опускает взгляд на снимки. Камеры моментальной печати ей были не по душе: не дают такого четкого изображения, как зеркалки.

– Они мертвы, – говорит Игнасио.

Элена прищуривается в попытке разглядеть лица.

– «Найди меня», – читает она вслух черную надпись на одном из фото. – Кто?..

Элена не может подобрать слова, чтобы сформулировать вопрос; поляроидные снимки выскользывают из ее пальцев, и она прижимает ладони ко рту.

Игнасио садится рядом, берет фотографии, но видит не запечатленные на них образы, а те, что приходят к нему из прошлого, пускают метастазы в его настоящее и заражают жизнь, которую он так старался описывать без умолчаний.

– Нужно спросить, не видел ли кто-нибудь того, кто оставил фотографии. Должно быть, это шутка. Кому придет в голову подобное?

Игнасио пожимает плечами и отрицательно качает головой.

– Ты знаешь их?

– Нет. Но я знаю, кто их убил... Это послание для меня, Елена.

– Послание?

Игнасио молчит. Елена выхватывает у него фотографии молодых женщин, которые сидят с раздвинутыми ногами и сложенными на животе руками. Остальное различить трудно: снимки сделаны ночью, со вспышкой; тротуар и стену на заднем плане едва видно.

– Тебе не кажется, что это напоминает убийства в одной из твоих книг? – Она держит фотографии как игральные карты: две битые дамы.

– Да, пожалуй. Я идиот. Я должен был это предвидеть.

Игнасио снова принимается мерить шагами комнату, подходит к окну; занавеска словно вздрагивает от его присутствия. Он идет к двери и опять возвращается. Комната слишком мала, чтобы вместить его тревогу.

С полки двенадцать книг наблюдают за передвижениями своего автора; Елена каждый раз заставляла Игнасио писать разное посвящение. Главный герой восьми из них – Хосе Акоста, культовый персонаж в библиографии Суареса, детектив, способный найти преступника, сунувшего снимки под дверь.

– Мне нужно ехать.

– Куда? Я с тобой.

– Нет, я должен поехать один.

Игнасио берет со стула сложенные брюки и поспешно накидывает рубашку, которую тщательно повесил накануне вечером, чтобы не помялась. Елена вскакивает с кровати и тя-

нется за платьем на полу рядом с трусами и за лифчиком, чуть дальше, у ножек комода. Игнасио выходит, так и не застегнувшись, с туфлями и ремнем в руке.

– Игнасио, подожди!

Элена бежит за ним в одном темно-синем шифоновом платье с цветочным рисунком, без нижнего белья.

* * *

– Я беру тебя в заложники. Давай спрячемся от всех, – игриво сказала она Игнасио накануне днем, едва тот вернулся, и поцеловала в губы, засовывая руку ему в штаны.

Он не смог отказаться. Парочка заперлась в комнате Элены, отключив телефон и повесив табличку «Не беспокоить», чтобы никто из служащих не помешал.

Элена бежит босиком по внутреннему дворику под удивленным взглядом постояльца, который отскакивает в сторону, пропуская ее. У выхода на улицу она слышит, как Игнасио сигналил клаксоном серого «Форда Фэйрмонт» 1984 года выпуска.

– Слушай внимательно, – начинает он, когда Элена подходит к дверце. – Если со мной что-нибудь случится, я хочу, чтобы ты вынесла из моей комнаты все красные тетради, бумаги, коробки, которые я запретил тебе открывать. Возьми то, что считаешь важным, и спрячь. Ничего не отдавай моим детям или бывшей жене. Вот ключ от ящика стола, за-

бери все содержимое.

– Игнасио, Игнасио! Ты говоришь так, будто не вернешься!

– Елена, сейчас я не могу тебе объяснить. Я должен ехать. Возможно, я не вернусь в отель в течение нескольких дней. Я должен его найти.

– Игнасио, подожди. Кого найти? Куда ты едешь? Позволь мне поехать с тобой!

Элена едва успевает отскочить, чтобы не попасть под заднее колесо. Автомобиль разгоняется по булыжникам и исчезает в облаке пыли.

Пятница, 30 августа 1985 г.

21:47

Мать Летисии Альмейды медленно встает со стула, на котором просидела несколько часов, ожидая, когда ей отдадут тело дочери. Она давно перестала требовать, чтобы ей разрешили побыть рядом с ее девочкой. Всхлипы нестройной нотой вырываются из почти сомкнутых губ женщины. Муж не отпускает ее холодную ладонь, которую нервно гладит большим пальцем. Неизвестно, кто кого поддерживает.

Звонок раздался в пять тридцать две.

– Я ищу родственников Летисии Альмейды, – сказал мужской голос в трубке.

Рикардо Альмейда, отец Летисии, непроизвольно посмотрел на часы, как будто заранее знал причину звонка и хотел зафиксировать точное время, когда ему сообщат о смерти дочери. Летисия не вернулась из школы, и никто не знал, где она. Отцу передалось беспокойство жены, нарастающее прямо пропорционально уходящим минутам. Дочь сказала, что останется у своей подруги Клаудии Косио, но, когда они позвонили в дом Косио, обнаружилось, что девушки там не ночевали.

Она всегда предупреждает, повторяла мать. Всегда сооб-

щает, где находится.

Трижды он останавливал жену, когда та собиралась искать девочку на улицах. «Куда ты пойдешь? Лучше подождем здесь». Они сидели на кухне, на кровати дочери, в ее спальне, в столовой, бродили по всему дому. Тревога змеей свилась у них в груди, мешая свободно вздохнуть, заставляя искать выход в движении, что еще больше усиливало переживания.

– Хватит мельтешить, успокойся, сядь, – повторял муж. – Ты меня нервируешь.

– Нужно позвонить в полицию, – твердила сеньора Альмейда.

– Они, наверное, гуляют, – заверял муж, – подождем еще немного.

Он дважды наливал себе коньяк, приберегаемый для особых случаев – единственное, что попало под руку, – и выпивал залпом, не обращая внимания на замечания жены, что ему следует быть трезвым, если вдруг придется искать дочь.

* * *

– Да, я ее отец, – ответил сеньор Альмейда по телефону мужчине, который без всяких предисловий заявил, что они должны приехать и опознать тело молодой девушки, возможно его дочери. Он выслушал адрес и записал в блокнот на телефонном столике, словно рядовое сообщение. Руки не дро-

жали, во время разговора он держался спокойно.

– Кто это был? Что там? Рикардо, ответь!

Душа покинула его через открытый рот; он забыл слова, сердце сбивалось с ритма, пропуская удары, и не хватало воздуха, чтобы произнести вслух имя дочери.

– Это была Летисия, да? Летисия? – повторяла жена, тряся его за плечи, а он задышался и мотал головой из стороны в сторону.

* * *

В морге напротив них, уронив голову на руки, сидит Марио Косио, отец Клаудии. Сцена, аналогичная той, что произошла в доме Альмейда, разыгралась и у Косио. Там на звонок ответила мать, которая не смогла записать адрес, потому что трубка выскользнула у нее из руки, пока она кричала:

– Нет, Клаудия, нет!

Сеньор Косио подошел к телефону; записывать адрес не пришлось: год назад он уже приезжал в то место, чтобы опознать своего младшего брата, попавшего в аварию.

– Что случилось? – спросил старший сын у матери, которая все повторяла одно и то же. – Папа? С кем ты разговариваешь? – Сын безуспешно попытался вырвать трубку. – Папа, кто это?

– Побудь с мамой, – приказал сеньор Косио, медленно опуская руку, словно принадлежавшую кому-то другому. Он

не положил трубку на рычаг, а бросил на стол.

– Мама, мама, успокойся. Мама, что случилось?

Она перестала кричать, когда Марио Косио сказал:

– Я должен поехать в морг и взглянуть на тело одной де-
вушки. Возможно, это твоя сестра.

– Я с тобой.

– Нет, оставайся здесь, – распорядился сеньор Косио, сжи-
мая плечи супруги.

* * *

– Долго еще они собираются держать там мою дочь? –
вновь спрашивает мать Летисии у женщины, которая напол-
няет комнату ароматом дешевых духов и стуком пишущей
машинки.

– Не знаю, сеньора. Вас уже попросили уйти. Мы сооб-
щим, когда вы сможете забрать тело.

– Летисию! Мою дочь зовут Летисия Альмейда!

– Вам незачем здесь оставаться, вы только утомляете и
себя, и нас.

– Утомляю? Я вас утомляю? Вам мешаю? – Мать Летисии
останавливается у стола и громко восклицает, уперев руки в
стопку бумаг: – Моя жизнь только что оборвалась навсегда!

Сеньор Альмейда удерживает жену за плечи, пока та не
сбросила все предметы со стола. Секретарша вскакивает,
опрокинув стул. Рикардо Альмейда заключает супругу в

объятия, словно в смирительную рубашку; она еле стоит на ногах, и такое впечатление, будто за последние часы похудела. Жена трясется, не в силах сдержать слезы. Рикардо тоже хотелось бы предаться скорби, утонуть в слезах, которые он не решается пролить. «Ты должен быть сильным ради жены», – повторяет он про себя, как мантру. Ему хочется верить в эти слова, убедить себя, что он сильный, но Рикардо знает: эта расхожая фраза – ложь, сотрясение воздуха, иллюзия того, что можно выстоять перед лицом невыносимого. Он проводит рукой по растрепанным волосам жены. При нормальных обстоятельствах – если вообще существует такая вещь, которую зовут нормальностью, – она никогда не выходит из дома непричесанной или без помады. У нее даже есть зеркало на маленьком столике у двери, с выдвижным ящичком, где она держит румяна, помаду и расческу, чтобы подправлять внешний вид перед выходом на улицу.

– Успокойся, любимая, успокойся. Пойдем. Сеньорита права, тебе нужно отдохнуть. Примешь душ и съешь что-нибудь.

– Отпусти. Не проси меня успокоиться. Я не собираюсь успокаиваться. Мне нужна моя дочь – сейчас. Ты слышишь? Она нужна мне прямо сейчас!

Моника Альмейда вырывается из рук мужа и широкими шагами идет к дверям, ведущим в анатомическую.

– Сеньора, вам туда нельзя.

Один из полицейских на входе, встревоженный криками,

останавливает ее за предплечье.

– Отпустите меня!

– Сеньора, вам уже сказали, туда нельзя.

Она изо всех сил пытается сбросить его цепкую хватку; физическая боль расходится по руке, груди, животу; боль, которая разрывает ее надвое, надламывает. Полицейский поддерживает женщину, чтобы она не упала, и муж успевает подхватить ее со спины.

Другой мужчина в сером костюме, от которого разит потом, делает охраннику знак подойти. Пока они разговаривают, супружеская чета возвращается к стульям, откуда отец Клаудии Косио молча наблюдает за сценой; он знает, что тоже должен потребовать, чтобы ему передали тело младшей дочери, но у него нет сил встать. Сеньор Альмейда помогает жене сесть на черный пластиковый стул, который скрипит, словно жалуясь на груз печали и безысходности.

– Через минуту вы сможете забрать своих дочерей, – говорит полицейский, ухватившись руками за ремень. – Нужно подписать некоторые бумаги, чтобы распорядиться телами, и позвонить в похоронное бюро.

Третий фрагмент

Возьмем наугад следующую дату: ноябрь 1931 года. Сантехник Сальвадор Мартинес появился в доме номер девять по Серрада-де-Саламанка со стандартным набором инструментов: его вызвали из-за проблем с канализацией: забился слив, обычное дело. При входе в дом обонятельные рецепторы мужчины захлестнуло отвратительное зловоние. Даже ему, привычному к скверным запахам, оно показалось куда сильнее, чем в предыдущих случаях. Карлос Конде пригласил сантехника в дом и провел в туалет.

– Слив засорился, – объяснил он.

Сальвадор Мартинес поднял крышку унитаза и произвольно поднес руку к губам, подавляя рвотный рефлекс. Рот наполнился горечью. Он стиснул зубы, чтобы его не вырвало на кафельный пол. Сплюнул в раковину. Открыл кран, прополоскал рот водой, опять сплюнул и сделал глубокий вдох, прогоняя тошноту. Подобного с ним давно не случалось.

– Вы новичок? – Прислонившись к дверному косяку, Фелиситас наблюдала, как Сальвадор пытается усмирить свой желудок.

– Нет, – ответил он, вновь подходя к унитазу, и прищурился, вглядываясь в плавающую там массу. – Сколько времени уже?

– Со вчерашнего дня.

Сальвадор наклонился над чашей, опустил в воду вантуз и с усилием стал прочищать засор, забрызгав рукава. Когда он вынул инструмент, то вначале принял прилипшую к нему штукювину за остатки туалетной бумаги. Однако, присмотревшись внимательнее, отпрыгнул назад и швырнул вантуз в стену. Заляпав ее темно-коричневыми пятнами, инструмент упал на голубой кафельный пол вместе с крошечной ножкой, зацепившейся за край резиновой присоски.

– Что за?..

Не докончив вопрос, сантехник заглянул в чашу: там плавали останки тельца, которому принадлежала нога. Он схватил ящик с инструментами, оставив вантуз на полу, и направился к выходу.

Фелиситас преградила ему путь:

– Вы не можете уйти, не доделав работу.

– Я не занимаюсь подобными вещами.

– Сколько вы хотите?

– Выпустите меня.

Сальвадор слышал, как позвякивают инструменты в ящике. Он поднял руку, чтобы отодвинуть Фелиситас, но тут за спиной женщины появился Карлос Конде.

– Отойдите, – потребовал сантехник.

– Приятель... – Конде наставил на него указательный палец. – Твои услуги нам порекомендовал человек, с которым ты сидел в тюрьме и который знает, что ты...

– Детей – никогда!

– Этот человек рассказал нам об одном мертвце.

– Вы мне угрожаете?

– Какие угрозы? Я предлагаю сделку. – Карлос Конде протянул сантехнику зажатую в руке пачку купюр. – Мы хорошо заплатим.

Сальвадор посмотрел на деньги и прикинул сумму, не вскрывая пачку. Подняв глаза, он встретил взгляд Фелиситас и почувствовал, как тот скользит по нему ледяной змеей.

– Ну так что?

Мартинес отвел глаза и вновь уставился на банкноты, затем на голубую плитку, где лежала крохотная ножка, затем на унитаз. Наконец сунул деньги в один из карманов комбинезона, взял вантуз, оставив маленькую конечность лежать на полу, наклонился над унитазом и сказал:

– Мне понадобятся другие инструменты.

* * *

В марте 1932 года Сальвадор Мартинес устроил к моей матери свою невестку, Исабель Рамирес Кампос, вдову родного брата. Он сообщил женщине, что моим родителям нужна уборщица, платят хорошо, и она сможет покрыть расходы, понесенные в связи со смертью мужа. Фелиситас показала женщине место, где хранились чистящие средства, и без обиняков попросила разобраться со всем самостоятельно, ибо в тот день у нее был наплыв пациенток. Хозяйка дома – аку-

шерка, объяснил Сальвадор, ей нужна помощница, которая возьмет на себя уборку и готовку. Исабель озвучили размер зарплаты и условия работы. Фелиситас оглядела женщину с головы до ног, размышляя, не объявить ли заодно, что она будет убирать и комнату, где ведется прием клиенток, однако решила, что всему свое время.

Оставив сумку, Исабель повязала фартук и приготовилась взяться за уборку. С ведром и шваброй в одной руке и тряпкой в другой она шла по дому, когда услышала какой-то звук из-под обеденного стола. Медленно присев, женщина обнаружила ребенка, спрятавшегося между ножками стула. На четвереньках она подползла к существу, которое, обхватив колени, широко раскрытыми глазами беззвучно наблюдало за ее приближением. «Пойдем со мной», – протянула руку Исабель. Мальчик не двинулся с места, словно молчаливая статуя, приклеенная к полу. Исабель попробовала его коснуться, и внезапно в ее предплечье вонзились зубы. Женщина потеряла равновесие и ударилась о стул. «Отпусти меня», – потребовала она, не повышая голоса. Место укуса горело. «Отпусти», – повторила Исабель и подползла чуть ближе, насколько позволяло пространство. Потом засунула пальцы свободной руки ребенку в рот, пытаясь разжать челюсти.

– Отпусти ее, – приказал я брату, выглядывая из-за стула. Затем повторил: – Пусти. – И забрался под стол. Я схватил Хулиана за волосы и тянул, пока он не выпустил Исабель.

Она вскочила на ноги, прижимая израненную руку к телу, на месте укуса выступила кровь. Под столом мы с Хулианом колотили друг друга. Нам было шесть и четыре.

Первая встреча с Исабель стала одним из самых ярких воспоминаний моего детства. У нее были черные глаза, длинная коса, уложенная вокруг головы, и ямочка на правой щеке.

– Тихо! Стоп, хватит драться!

При виде вошедшей в комнату Фелиситас нас парализовало. Она схватила Хулиана за руку и встряхнула, словно куклу.

– Да что с тобой такое?

Одной из своих ручищ мать ударила его по голове, повалив на пол.

Я попытался уползти на четвереньках в сторону кухни, но Фелиситас поймала меня за ногу.

– Отведи брата в комнату, и не смейте выходить, пока я не скажу, – велела она.

– Да, – пролепетал я.

Затем медленно встал и помог подняться брату. Я плакал, а Хулиан не издал ни звука, но так посмотрел на мать, что Исабель вздрогнула. Хулиан вытер свитером губы, испачканные его кровью и кровью Исабель, и мы скрылись в коридоре, ведущем в спальню.

– Пожалуй, я не смогу у вас остаться, – пробормотала женщина.

– Решим это в конце недели, – заявила Фелиситас. Затем поправила одной рукой волосы, другой – одежду. – У меня пациентка, поговорим позже.

Взяв вещи, с которыми пришла, Исабель направилась к входной двери. Та была заперта на ключ.

– Прости моего брата, – сказал я ей в спину.

Исабель медленно обернулась и на мгновение застыла в нерешительности. Я взял ее за руку и повел за собой. Я хотел, чтобы она осталась.

– Как тебя зовут?

– Мануэль.

Когда мы подошли к двери нашей комнаты, Исабель застыла на пороге. Я потянул ее внутрь. Она старалась ни на что не наступить: пол был завален грязной одеждой, мусором, бумагами, обувью, газетами.

Вдруг откуда-то появился Хулиан и обнял ее за ногу, мешая идти дальше.

– Хулиан, отпусти ее.

Он поднял голову, посмотрел женщине в глаза и медленно изобразил некое подобие улыбки. Шевельнув губами в ответ, Исабель присела перед ним на корточки. Хулиан взял укушенную руку и провел пальцем по отметине.

– Он не разговаривает, – пояснил я.

Хулиан редко говорил с чужими, а между собой мы общались на придуманном языке при помощи тех немногих слов, какие он произносил. У него было коммуникативное

расстройство, дисфазия, которую никогда не лечили.

Исабель снова встретилась с ним глазами; взгляд Хулиана проник ей в самое нутро и ледяным шипом вонзился прямо в сердце. Она прижала руку к груди, как от боли, и отвела глаза. Брат подбежал к единственной кровати в комнате и уселся играть с куклой.

Погладив меня по голове, Исабель оглядела комнату. Потом снова потерла грудь, нагнулась и стала подбирать с пола одежду и складывать мусор в кучку.

«Вестник альенде»

МРАЧНЫЙ РАССВЕТ

Леонардо Альварес

31 августа 1985 г.

Вчера утром общественность Сан-Мигеля всколыхнула ужасная находка – труп семнадцатилетней девушки, обнаруженный в нескольких шагах от «Похоронного бюро Альдамы». Владелица бюро, Вирхиния Альдама, вышла на улицу около шести утра и заметила тело, о чем сообщила правоохранительным органам.

Прибыв на место происшествия, оперативники подтвердили смерть и запросили вмешательства прокуратуры для начала расследования. Через час в нескольких кварталах оттуда, у стены «Современного похоронного бюро» было найдено тело второй девушки.

Обеих жертв нашли в одном и том же положении: сидящими на земле, с раздвинутыми, как во время родов, ногами; у обеих под одеждой была спрятана подушка, что создава-

ло впечатление беременности на позднем сроке.

Тела оставались в морге до окончания экспертизы. Позже, почти в полночь, их перевезли в «Современное похоронное бюро», куда люди подходили с тех пор, как стало известно, что прощание пройдет здесь. Венки заполнили два ритуальных зала.

На место, где нашли тело юной Клаудии Косио Росас, в течение дня горожане приносили свечи, цветы и послания; то же самое происходило на месте обнаружения тела Летисии Альмейды Гонсалес. Обе учились в выпускном классе старшей школы.

Большинство опрошенных признались, что шокированы и возмущены ужасными событиями, но прежде всего выразили опасения, что они повторятся.

Рикардо Альмейда, отец одной из жертв, сообщил о намерении сначала заняться похоронами дочери, а затем требовать поимки преступника. Супруги Косио Росас от комментариев воздержались.

Сегодня в семь часов вечера тела будут захоронены на городском кладбище.

5

Суббота, 31 августа 1985 г.

18:00

Со своего стула перед гробом Моника Альмейда наблюдает, как четверо мужчин поднимают ящик – с такой легкостью, что у нее мелькает мысль: вдруг он пуст, а она находится в кошмаре, в нескончаемом дурном сне?

– Моя дочь все еще там? – собственный голос кажется ей чужим.

– Да, – отвечает один из мужчин, не скрывая усмешки; другой носильщик пинает приятеля.

Не замечая ни насмешек, ни пинков, Моника по-прежнему думает о легкости гроба и об отсутствии дочери. Спрашивает себя, является ли до сих пор матерью этого невесомого тела. Следит глазами за движением мужчин, встает и становится рядом с тем, кто над ней подшучивал.

– Я тоже понесу. – Она берется за дубовый ящик.

Подоспевший супруг пытается оторвать руки жены от крышки гроба.

– Не мешай мужчинам делать работу.

– Оставь меня, Рикардо,пусти. Я хочу пойти с Летисией!

– Мама!

– Я хочу сопровождать ее, – говорит она сыну и накрывает

ладонью правую щеку мальчика.

Ее сыну удалось сдержать слезы накануне вечером, дабы еще больше не расстраивать мать, которой пришлось дать успокоительное. Моника Альмейда хочет сказать ему, что она должна сопровождать свою дочь, чтобы найти себе оправдание, попросить прощения за то, что не позаботилась о ней и позволила какому-то негодяю убить ее. Она так виновата. Когда Моника забеременела Летисией, то из-за угрозы выкидыша почти шесть месяцев пролежала пластом, чтобы удержать ребенка в своем чреве. «Ты так рано нас оставила», – подумала она, увидев дочь в гробу: та будто спала, такая красивая, что не верилось в ее смерть.

– Тогда я тоже помогу. – Сын пристраивается рядом и накрывает материнские ладони своими.

* * *

Накануне вечером, незадолго до одиннадцати, в похоронном бюро Марта Косио, мать Клаудии, подошла к тому месту, где Моника Альмейда пыталась молиться с четками, но забывала слова и не могла целиком произнести «Радуйся, Мария».

– Это все твоя дочь виновата! – закричала Марта и толкнула ее со стула.

Сеньор Косио удержал жену за плечи, прежде чем та бросилась на Монику.

– Извините, простите ее, – говорил он, оттаскивая супругу.

– Это была идея твоей чокнутой Летисии! Из-за нее моя девочка мертва! – повторяла женщина.

Несколько рук поспешили поднять Монику Альмейду с пола.

Похоронное бюро было переполнено скорбящими и зеваками, которые хранили молчание и, не в силах смотреть на чужую боль, отводили глаза в пол, на потолок, на цветы, наполняющие пространство ароматом смерти. Тихие голоса зывали ко Вселенной и к Богу – кукловоду, перерезавшему нити по своему желанию, – с мольбой, чтобы его жажда крови насытилась двумя мертвыми девушками и он не забрал еще чью-нибудь дочь.

Марта Косио вырвалась из рук мужа и побежала к сосновому гробу, где покоилось тело ее дочери, безучастной к родительским спорам. Оставь меня здесь, умоляла она мужа, который снова взял ее за локоть и сжал сильнее. Тебе пора домой, процедил он сквозь зубы, дергая ее так же, как всякий раз, когда она отказывалась ему угодать, прислуживать и с готовностью отвечать, когда он срывал с нее одежду, обдавая своим дыханием, хранящим следы алкоголя, табака, а порой – поцелуев и слюны других женщин. Марта закрывала глаза, и он взбирался сверху. Ее жизнь проходила между тем, что она избегала видеть, и тем, на что была вынуждена смотреть.

– Оставь ее, отпусти! – закричала Моника Альмейда, вста-

вая перед сеньором Косио.

– Не лезь в наши дела, – пригрозил он, не отпуская жену.

– Побудь с моей дочерью, не оставляй ее одну, – умоляла Марта Косио, пока муж тащил ее в машину.

* * *

Сейчас Моника Альмейда стоит рядом с катафалком, куда помещают гроб, чтобы отвезти его на кладбище, и не дает закрыть дверцу.

– Можно мне поехать с вами? – спрашивает она у одного из мужчин в черном, высокого и очень худого, с костлявыми бледными руками; тот уже дважды повторил, что должен закрыть машину.

Леопольдо Лопес, владелец похоронного бюро, протискивается к ним между соляными изваяниями, молча наблюдающими за происходящим.

– Я хочу ее сопровождать.

– Под мою ответственность, – говорит Леопольдо Лопес, усаживаясь за руль.

– Но... – пытается возразить другой человек в черном.

– Сеньора поедет с дочерью на кладбище.

6

Воскресенье, 1 сентября 1985 г.

22:00

Судебно-медицинский эксперт Эстебан дель Валье в окровавленном халате и сдвинутых на макушку защитных очках отхлебывает колу, не сводя взгляда с тела на столе перед собой. Он работает в главной городской больнице, в морге, который одновременно является службой судебно-медицинской экспертизы.

Эстебан не спал больше двух суток. Откуда-то из радиоприемника доносится повтор выступления президента Мигеля де ла Мадрид Уртадо⁹ с третьим ежегодным докладом:

Для удовлетворения настойчивых требований населения мы значительно усовершенствовали систему отправления правосудия и развернули широкую национальную программу общественной безопасности, дабы очистить и модернизировать правоохранительные органы, повысить их профессионализм.

Мы провели беспрецедентную работу по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

⁹ Мигель де ла Мадрид Уртадо (1934–2012) – президент Мексики с 1982 по 1988 г.

Мы также работали над профилактикой наркотической зависимости и реабилитацией тех, кто от нее страдает.

Нравственное обновление стало непреложным обязательством и неизменной нормой поведения.

Мне хорошо известно, сколь многое еще предстоит сделать, но тенденция к ухудшению повернулась вспять.

Будем настойчивы в нравственном обновлении общества: от нации зависит, чтобы это требование стало постоянным и необратимым.

Той ночью, когда были убиты девушки, его разбудил ветер; незакрытая форточка в кухне билась о стену. Звук навеял воспоминание об отце: как тот при смерти стучал кулаком по письменному столу, чтобы разбудить сына, спящего в кресле рядом. Ветер перенес эту сцену в его сновидение: Эстебан опять увидел себя пятнадцатилетним в том же доме, с больным отцом. Мать с братьями бросили их год назад или, может, чуть больше – он сбился со счета, заботясь о старике. Эстебан, старший из трех детей четы дель Валье Медина, остался, потому что понимал и разделял отцовские навязчивые идеи. Его отец был врачом, мать – домохозяйкой. Вскоре после того, как старший сын произнес первое слово, отец взял на себя задачу обучить мальчика медицине и анатомии человеческого тела, поэтому Эстебан, в отличие от сверстников, оцарапавшись, говорил, что получил повреждение кожного покрова, синяки называл гематомами, ноги

– нижними конечностями, а руки – верхними.

У отца была навязчивая идея: он уверял, что жизненную энергию можно измерить, проверить, взвесить; хотел найти силу природы, мощь мироздания. Он проводил опыты над животными, умерщвляя их в присутствии сына, в лаборатории, построенной в саду, чтобы работать подальше от посторонних глаз. Он рассуждал вслух перед Эстебаном, который повторял те же фразы в школе. Учителя, как ни старались, не могли уберечь застенчивого ребенка от насмешек одноклассников.

– Тебе придется наблюдать и изучать мою смерть, – сказал отец, когда у него диагностировали лейкемию.

Жена обвинила его в том, что он специально не хочет лечиться, чтобы испытать приближение смерти на собственной шкуре. Поэтому она с двумя детьми бросила мужа после бесплодных увещаний пройти курс лечения и не дать себе умереть.

– Жизненную энергию обретает только живой, – заявила она перед уходом. – Я не собираюсь наблюдать за твоим самоубийством.

Эстебан остался, за что друзья и родственники считали его примерным сыном, не подозревая об истинной роли: лаборанта.

В ту ночь его разбудил стук по столу; он потерял счет времени, агония отца затянулась на несколько недель. Эстебан почти не спал, помогая, записывая, отслеживая. Отец, пре-

вратившийся в подопытного кролика, до последних мгновений давал ему отчет об изменениях в своем теле. Эстебан взвешивал, измерял, фотографировал. Но, даже сделав десятки снимков, он не смог запечатлеть момент потери жизненной энергии или осознать, когда начал фотографировать труп.

* * *

Через пятнадцать лет после смерти отца Эстебан смотрит на тело писателя Игнасио Суареса Сервантеса и не может начать вскрытие. Взгляд останавливается на опухшем, грязном, в синяках и запекшейся крови лице, изменившемся до неузнаваемости. Дважды, когда на его столе оказывался друг, Эстебан впадал в ступор, не знал, что делать: поговорить с ним, попрощаться или спросить разрешения на вскрытие.

«Скорая» подобрала Суареса на месте аварии; в рапорте, предоставленном дорожным патрулем, сообщалось о двух автомобилях: сером «Форде Фэйрмонт» модели 1984 года с госномером LKM-265, принадлежащем Игнасио Суаресу, и «Рено-18» 1982 года выпуска с госномером GTR-892, находящемся в собственности у Виктора Родригеса Акосты.

Игнасио Суарес был еще жив, когда у него начались конвульсии, и два фельдшера, пытавшихся остановить кровотечение из ран на теле, не смогли ничего сделать. Он умер, не

доехав до больницы, поэтому его отправили в морг.

Эстебан дель Валье и Игнасио Суарес познакомились за три года до того: их представила друг другу Елена Гальван. Игнасио понадобилась помощь судмедэксперта, чтобы проверить данные для книги, над которой он работал, и сделать историю правдоподобной с медицинской точки зрения. Будучи поклонником криминальных романов, Эстебан сразу же согласился помочь писателю, и его имя появилось на страничке с благодарностями.

Он помнит их первый разговор, когда назначил Суаресу встречу здесь же: хотел продемонстрировать, что криминальные романисты только строят из себя крутых, а столкнувшись с настоящим мертвецом, раскисают и съеживаются. Эстебана удивила выдержка Суареса, которого, казалось, не беспокоил запах смерти – первое, что пугает зрителей, чьи желудки не очень сильны в сохранении содержимого на месте. Эстебан раздавал начинающим студентам-медикам – в том числе тем, кто строил из себя смельчаков перед группой, – ментоловую мазь, чтобы мазать в носу. Одного из таких смельчаков вырвало на труп, который ему позже пришлось отмывать. Но Игнасио Суарес, накинув белый халат, вошел решительным шагом и попросил пару перчаток, чтобы можно было прикоснуться к покойнику.

Удовлетворив любопытство, он пригласил Эстебана на обед и съел большой кусок почти сырой говядины. Дель Валье понравилось, как этот человек с луженым желудком слу-

шал его и задавал вопросы на тему, которую ему трудно было обсуждать с живыми.

Отпив еще один глоток колы, Эстебан натягивает латексные перчатки, придвигает столик с инструментами, поправляет очки и медленно делает разрез на теле друга.

Четвертый фрагмент

Мой брат Хулиан в детстве почти не плакал. Не подавал голоса, даже когда мать забывала дать ему бутылочку. Никогда не ныл. В ежедневной борьбе за выживание многие эпизоды нашего детства стерлись из памяти. У меня нет сведений или историй ни о моем рождении, ни о рождении Хулиана, только обрывочные воспоминания.

Каждая попытка воскресить прошлое равносильна погружению в зыбучие пески: я начинаю задыхаться. Меня до сих пор пугает мрачное место, где нас запирала мать, то самое, где она прятала и убивала доставленных ей младенцев.

Не припомню, чтобы Фелиситас участвовала в нашем воспитании. Понятие «воспитательный процесс» применимо к другим матерям, которые живут жизнью своих детей, вместе с детьми, ради детей, смотрят на мир их глазами. Когда дети создают новые семьи и уходят, мать становится слепой, теряет смысл существования, остается наедине с чужой жизнью: собственной.

Моя мать была полной противоположностью. Если бы между нами имелась связь, всего произошедшего могло бы не случиться. Возможно, она не умерла бы. Проблема наших отношений заключалась в том, что их никогда не существовало.

Я погружаюсь в зыбучие пески памяти, чтобы извлечь

другое воспоминание. Однажды, когда мне было семь лет, ранним утром меня разбудило мяуканье. За два дня до того я увидел в патио кошку и оставил для нее в кустах тарелку с молоком, которую наполнял по мере опустошения. Фелиситас не любила животных. Я быстро встал с кровати и поспешил вниз – утихомирить кошку, пока мать ее не нашла. Взяв из холодильника бутылку молока, побежал туда, где прятал тарелку. Ее не оказалось на месте. Мне было холодно в одних трусах и футболке. Я лег на землю и стал шарить в кустах, шепотом подзывая животное.

Вдруг мяуканье донеслось с заднего двора. Я направился туда. Фелиситас стояла у чана с водой, окунув обе руки. «Мама?» Она не услышала. Я подумал, не лучше ли сбежать, забыть о кошке и вернуться в спальню. Меня много раз предупреждали: не суйся в заднюю часть дома или в прачечную. Решив улизнуть, я краем глаза увидел, как мать извлекла из воды какой-то объект, нечто вроде маленького мячика. Тот выпал у нее из рук, несколько капель брызнуло на меня. Мать выругалась. Затаив дыхание, я наблюдал, как она снова подняла предмет.

– Мама?

Присмотревшись, я разглядел, что это. Бутылка выскользнула и разбилась, окатив нас молоком и осколками стекла.

Фелиситас обернулась.

– Что?..

– Это ведь не?..

– Да, твоя чертова кошка, смотри, что стало с моими руками.

Покосившись на чан с водой, я заметил плавающего там новорожденного котенка.

– Вытащи его, – приказала мать. Я помотал головой. – Вытаскивай, – повторила она.

– Нет, – едва сдерживая слезы, прошептал я.

Фелиситас наклонилась и всучила мне утопленную кошку-мать (я невольно прижал ее к груди), а следом и мертвых котят. Они не умещались в руках. Один упал, я нагнулся поднять – и выронил другого. Мать дернула меня за волосы, подобрала котят и кучей вновь сунула мне. Я обхватил их крепче.

– Шагай. – Фелиситас толкнула меня в спину. – Это ведь ты давал ей молоко? Вот почему она осталась и родила здесь, по твоей вине пришлось их утопить.

Я словно прилип к серой бетонной дорожке, не в силах сдвинуться с места, трясясь и плача. Мать снова толкнула. Я пошел. Осколки разбитой бутылки хрустели под босыми ступнями, но я не чувствовал боли. Холодная вода, пропитавшая футболку и трусы, смешалась с горячей мочой, которая текла по ногам.

Мне удалось насчитать пятерых котят, быстро, с одного взгляда, не то что в школе, где я иногда считал на пальцах. Мы подошли к картонной коробке, Фелиситас выхватила трупики и бросила внутрь, закрыла и приказала нести на

пустырь, где мы оставили их посреди кучи мусора. Из-за слез я едва видел дорогу и пару раз споткнулся, не упав лишь потому, что мать мертвой хваткой держала мою футболку.

– Не люблю животных, – заявила она на обратном пути, волоча меня за шиворот. – Ступай на занятия.

Я поднялся по лестнице, ощущая в руках фантомную тяжесть кошек. Заперевшись в ванной комнате, включил воду над лоханью, разделся и начал намыливаться, чтобы смыть прилипший запах. Даже сегодня, когда вспоминаю об этом, мне чудится, что от меня воняет мертвой кошкой.

Два года спустя я все еще слышал кошачье мяуканье по ночам, как будто оно застряло в лабиринте моих слуховых проходов, не имея возможности вырваться на волю. Я прятал голову под подушкой, чтобы не видеть призрака кошки с мокрой шерстью и пустым взглядом.

– Меня преследует мяуканье, – сообщил я Хулиану в надежде, что смогу выкинуть эту мысль из головы, отпустить ее. Я никогда не рассказывал брату ни о кошке, ни о котятках, считая, что он не поймет.

– Я тоже их слышу, – медленно ответил он недавно обретенным голосом – событие, глубоко взволновавшее Исабель и едва ли заинтересовавшее родителей. Хулиан заговорил благодаря настойчивости Исабель, которая в течение дня выполняла роль суррогатной матери, а вечером возвращалась домой, к своему сыну Хесусу.

– Слышишь? Значит, ты видел, как мама утопила кошку

с котятами?

Хулиан помотал головой и сделал знак руками. До того как он начал говорить, мы общались на языке жестов. Заткнись, без слов сказал он, слушай.

Действительно, откуда-то доносилось мяуканье.

Я стоял неподвижно, затаив дыхание, с таким усилием вслушиваясь каждой клеточкой тела, что мог различить в тишине биение наших с Хулианом сердец.

– Чем вы тут занимаетесь? – В комнату вошла Исабель, как всегда по утрам. – Почему до сих пор в пижамах? Опоздаете в школу. Что-то случилось?

Мы оба подпрыгнули от неожиданности.

– Ничего, – с поразительным спокойствием ответил Хулиан, а я встал с пола и покачал головой, не представляя, как объяснить Исабель, что мы делаем.

Хулиан обладал иным складом ума, он никому не доверял, в школе проводил весь день в одиночестве, никогда не играл с другими детьми. Во дворе на перемене он убивал муравьев, пауков и всех насекомых, какие ему попадались. Я пробовал затеряться среди других – безуспешно: я был сыном людоедки из сказок, и в моих жилах текла та же проклятая кровь.

После занятий мы вернулись с Исабель и побежали к себе в комнату. Хулиан, судя по всему, забыл про мяуканье, и я, чтобы вновь его расслышать, попросил брата не шуметь. Однако в этот час на проспекте было слишком оживленное движение машин и людей, и добиться необходимой тишины

не удалось.

Остаток дня мы провели за домашними заданиями и на улице. Нас собралась компания из пяти мальчиков разного возраста; Хулиан был самым младшим. Я всегда брал его с собой, чтобы брат поменьше находился с родителями. Исабель тоже старалась гулять с нами как можно дальше от дома и водила по магазинам, на рынок и к своему сыну Хесусу, за которым в течение дня присматривала бабушка. Вечером, перед уходом, она просила, буквально наказывала нам не выходить из спальни до следующего утра.

Я весь день был как на иголках. Наконец стемнело. Исабель, мой ангел-хранитель, укрыла нас (мы все еще спали в одной постели) и благословила молитвой.

Выждав некоторое время, я открыл выходящее в патио окно и поманил брата.

– Я хочу спать, – пробормотал Хулиан надтреснутым голосом.

Я приложил палец к губам, призывая к молчанию. Затем высунулся из окна, напрягая слух, и заметил во дворе Фелиситас в компании другой женщины, пациентки. Внезапно мать подняла глаза на окно. У меня едва не остановилось сердце; я подбежал к кровати и юркнул под одеяло, задыхаясь от страха: вдруг она меня увидела? Я лежал так, укрывшись с головой, перепуганный, с бешено колотящимся сердцем, и незаметно для себя погрузился в сон. Проснулся я в полночь.

Ледяной ветер дул в открытое окно и шевелил занавески, отчего те походили на призраков, отчаянно пытающихся выбраться из комнаты. Подхваченные порывом бумаги слетели со стола и опустились мне на лицо. Вздвогнув, я открыл глаза. Затем привстал, чтобы затворить окно, и тут услышал мяуканье. Я замер, сдерживая дыхание, сердце тоже почти не билось. Спрыгнув на пол, осторожно выглянул на улицу; трепетавшая на ветру занавеска щекотала волосы. С недобрым предчувствием я вернулся в постель.

– Хулиан, – тихонько позвал я и слегка пошевелил брата. – Хулиан, – прошептал я ему на ухо.

Брату было семь лет, и лишь во сне, когда с его лица исчезло мрачное выражение, он выглядел на свой возраст. Той ночью я в последний раз видел брата крепко спящим. Отныне сон его будет поверхностным, беспокойным, а черты лица навсегда исказит гримаса напряжения.

Заспанный Хулиан сполз с кровати, и вместе мы подошли к окну – сдерживая дыхание, прислушиваясь к звукам немногочисленных в этот час машин, к отдаленному смеху, к доносившимся с ветром словам. Порывы стихли, и теперь занавеска только слегка покачивалась. Мы задерживали дыхание четыре раза и наконец снова услышали жалобное мяуканье.

– Может быть, это другая кошка. Если ее здесь увидят, то утопят. Нужно ее спасти.

– Пусть умирает.

– Нет! – громко прошептал я. – Давай поищем.

Хулиан покачал головой.

– Пожалуйста.

Он снова покачал головой и потащился обратно в постель.

– Закрой окно, ты их разбудишь, – приказал он.

– Пожалуйста.

Мяуканье громко раздавалось у меня в голове. Я подошел к Хулиану и потянул за руку.

– Хорошо.

Брат выдернул руку: он не любил, когда к нему прикасались.

Медленно, с бесконечной осторожностью мы спустились по лестнице и аккуратно отворили дверь в патио. С улицы потянуло холодом. Мы пошли к задней части дома, где работала Фелиситас и где, как мы думали, хранились инструменты. Наш путь освещала луна. Мяуканье стало жалостливее. Мы попытались открыть чулан с инструментами, откуда доносились звуки, но металлическая дверь оказалась заперта на ключ. Я попробовал заглянуть в окно, однако оно располагалось чересчур высоко, да и стекло было матовым. Руки и колени у меня дрожали, тело не слушалось, движения стали неуклюжими.

– Схожу на кухню за ножом, может, получится открыть. – Я кивнул на замочную скважину.

Хулиан не успел ответить. Торопясь спасти то, что находилось внутри, я добрался до задней двери и отворил ее, по-

забыв об осторожности. Внезапный порыв ветра вырвал у меня дверь и ударил о стену с такой силой, что разбилось стекло.

Хулиан кинулся в дом и побежал по лестнице, а я замешкался.

Дверь в комнату людоедов распахнулась.

Я бросился наверх.

Надеялся лечь в постель и притвориться спящим.

Но не успел закрыть дверь спальни.

Мать держала ее мертвой хваткой.

«Фи-фай-фо-фам, человека чую там», – говорит людоед из английской сказки о Джеке и бобовом стебле.

Фи-фай-фо-фам. Она толкнула дверь, и я упал.

– Что вы там делали?

Фелиситас схватила меня за ногу.

– Ничего, ничего... – пробормотал я.

Она потащила меня к лестнице, но тут на нее сзади бросился Хулиан и стал колотить по спине; мать отвесила ему затрещину, он упал.

Отпустив меня, Фелиситас поймала брата за ноги. В попытке вырваться он пнул мать по лицу, и она зажала нос руками. Хулиан шмыгнул под кровать. С животной ловкостью, почти невероятной для женщины ее габаритов, мать подняла кровать вместе с матрасом и всем остальным. В этот момент вошел отец.

– Они были в задней комнате, я видел в окно.

Хулиан побежал к двери. Отец схватил его за руку и поднял в воздух, словно извивающийся куль зерна.

Фелиситас опустила кровать. Из носа у нее шла кровь.

– Чертов сопляк! – заорала она и, подойдя к Хулиану, дала ему такую сильную оплеуху, что брат перестал двигаться.

– Хулиан! Хулиан!.. – отчаянно закричал я, уверенный, что мать его убила.

Сегодня я склонен считать, что для моего брата, для меня и для всех было бы лучше, если бы так и случилось.

Я бросился на Фелиситас.

– Ты убила его!

Мать схватила меня за руку, встряхнула, и я перестал ее колотить. Замер, как будто она нажала кнопку выключения.

– Хочешь посмотреть чулан? – взревела мать и потащила меня вниз по лестнице. Отец шел впереди с обмякшим Хулианом в руках. Во дворе он открыл дверь в комнату с инструментами и бросил Хулиана с высоты своих метра восьмидесяти.

Я слышал, как ударилось тело. Представил, как он падает на спину, голова отскакивает от пола, приподнимается на несколько сантиметров и снова падает.

Отец поднял ногу и всем весом наступил на левую голень моего брата. Находящийся без сознания Хулиан едва слышно застонал.

Карлос Конде захлопнул дверь и запер на ключ. Я задышался, пытаюсь сдержать всхлипы, звал Хулиана, рвался из

рук матери. Та остановилась перед комнатой, где принимала пациенток, открыла ее и сказала:

– Раз тебе так интересно, чем я здесь занимаюсь, сможешь убраться.

Я хотел убежать, спастись. Она поймала меня за горловину свитера, в котором я иногда спал. Вспыхнул свет, настолько яркий, что я почти ослеп и лишь спустя какое-то время разглядел стол и полки с банками и неизвестными предметами.

Теперь, когда я пытаюсь вспомнить, что там было, разум воспроизводит разрушенное место, где Хулиан все уничтожил после смерти Фелиситас.

– Вытирай, – приказала она, всучив мне тряпку из грубой ткани. Затем окунула мою руку в ведро с водой и шмякнула на красное пятно, покрывавшее часть стола. – Дочиста!

Я в отчаянии принялся возить тряпкой по темной, вязкой красной субстанции.

– Прополощи!

Я напустил в пижамные штаны. Из-за слез перед глазами все расплывалось.

Фелиситас снова погрузила мою руку в воду. Она манипулировала мной, как марионеткой.

Я послушно вытирал стол и возвращался к ведру. Вода с каждым разом становилась краснее.

– Прекрати реветь, – приказала она, сжав мне пальцы.

Я резко дернулся и опрокинул ведро.

– Убирайся вон!

В комнату вошел отец:

– Что случилось?

– Паршивец все разлил.

На непослушных ногах я с трудом выбрался оттуда и подбежал к запертой на замок двери. Мать не вышла следом и не окликнула меня. Луна висела слишком высоко, света уличного фонаря не хватало на весь двор, окрестные дома почти целиком тонули в темноте. Шум встревожил одну из собак, и вслед за ней загавкали остальные – ночь наполнилась лаем.

Мои попытки беззвучно открыть дверь, за которой был Хулиан, окончились впустую.

Я сидел на земле, прислонившись к двери. Отец уже вернулся в дом. Мать вышла из комнаты и на секунду остановилась, глядя на меня. Вспоминая тот момент, я думаю, что она, возможно, намеревалась меня утешить, обнять. Но людоеды не обнимаются. Я опустил голову, съежился и уткнул лицо в колени. И сидел там до рассвета.

Хулиан открыл глаза, когда было еще темно. У него болели голова и тело, но больше всего – голень, которую сломал отец. Я много раз спрашивал брата о том, что произошло в чулане, однако он оставлял мои вопросы без ответа. Наконец, через неделю, он разбудил меня в полночь и начал говорить, словно испытывая органическую потребность выплеснуть эти слова из своего привычного к молчанию тела.

С огромным усилием и болью в сломанной ноге Хулиан

сел, чтобы понять, где находится. Различив тусклый свет, проникающий в окно, пополз туда. Попытался встать, опираясь на стену, нащупывал замок. Кричал, возвышая голос, которым почти не пользовался, кричал, потому что телесная и душевная боль делали тишину невозможной.

Он кричал и кричал, пока за своими криками не услышал звук, очень похожий на мяуканье. Одной рукой Хулиан потянулся к выключателю на стене.

В картонной коробке лежало существо, ставшее причиной всему. Ярость заставила брата позабыть о боли. Из-за сломанной кости он не мог ступить на ногу и упал. Хулиан подполз к коробке, засунул руку внутрь и вместо кота обнаружил младенца. Самого маленького, которого когда-либо видел.

От него воняло.

Хулиан понял, что слышал не мяуканье, а тихий человеческий плач.

– Перестань, – приказал он, обхватив голову руками.

Однако ребенок, повинаясь инстинкту самосохранения, в присутствии Хулиана заплакал пуще прежнего. Возможно, просил спасти его. Но Хулиан не понял и зажал уши.

– Замолчи!

Боль в ноге сводила с ума.

– Заткнись, – опять приказал он дрожащим от слез и гнева голосом.

Потом поднял младенца и стал трясти, сжимая ребра.

– Заткнись!

Хулиан снова встряхнул и сдавил сильнее.

– Замолчи!

Одной рукой прикрыл ему рот и нос.

– Заткнись!

Через некоторое время, убедившись, что ребенок затих, Хулиан положил его обратно в коробку и свернулся калачиком на полу.

Потом закрыл глаза и невольно уснул.

– Это была не кошка, – сказал мне брат на следующий день. Когда отец отпер чулан, я кинулся внутрь. Хулиан лежал на полу в мокрых от мочи штанах, с опухшими от слез глазами, полным соплей носом и взъерошенными волосами. – Это был младенец. Теперь он заткнулся.

Я подошел к стоявшей рядом с Хулианом коробке и уже почти разглядел внутри ребенка, как вошел отец и поднял ее.

– Проклятие, – резко сказал он и размашистым шагом вышел с коробкой в руках.

Я хотел помочь брату подняться, но боль в сломанной ноге была нестерпимой. Я сидел с ним до тех пор, пока не вернулся отец. Он подхватил его с пола так же легко, как младенца в коробке, и отнес к врачу.

Хулиан возвратился с гипсом на левой ноге. Он ходил на костылях. Звук новой походки говорил вместо слов: я научился узнавать настроение брата по силе, с которой тот стучал костылями по полу. В школе я носил за него рюкзак,

учебники, стремился угадывать его мысли, предвосхищать желания. У меня тоже были костыли – вина и раскаяние, куда более тяжелые и громоздкие. Я сидел с ним на переменах, молча слушая, как он жует бутерброды, которые Исабель готовила нам по утрам, всегда одинаковые: с клубничным джемом и маслом. Я брал книги из школьной библиотеки и читал – иногда вслух, иногда молча, – пока брат смотрел в пустоту. Хулиан не выражал ни одобрения, ни осуждения моих действий. Я читал вслух, очень громко, когда тревога становилась невыносимой и меня захлестывало его молчание. Чтение помогало, звук собственного голоса поддерживал невидимыми нитями.

Когда сняли гипс, я ожидал, что брат будет ходить как прежде. Однако этого не случилось: левая нога так и осталась непослушной. Он хромал, и я тоже – не физически, но ментально.

В 1936 году мир охватила агония, в Испании началась гражданская война, Гитлер открыл Олимпийские игры в Берлине, «Гинденбург»¹⁰ совершил свой первый полет, а я месяц за месяцем выхаживал брата.

В следующем году разбомбили Гернику¹¹, а крушение «Гинденбурга» предвосхитило катастрофу, которой вот-вот

¹⁰ LZ 129 «Гинденбург» – германский каркасный дирижабль, самый большой в мире на момент создания.

¹¹ Герника-и-Луно (*баск.* Герника-Лумо) – историко-культурный центр Страны Басков, разбомбленный нацистской авиацией 26 апреля 1937 г.

предстояло разразиться и оставить горы трупов взрослых и детей по всей Европе.

В нашем доме тоже были мертвые дети, и мы с Хулианом начали избавляться от останков.

Однажды днем нас позвала мать. Они с отцом показали нам клочок земли в палисаднике, дали мне лопату и велели копать. Много усилий не потребовалось: на этом месте прежде уже зарывали останки. Я сделал несколько взмахов, и мать вручила Хулиану ведро.

– Вылей в яму.

Я мельком увидел крошечную голову.

– Засыпь землей, – приказала Фелиситас мне.

Так мы начали участвовать в семейном бизнесе.

Через неделю мы с отцом отправились выносить пакеты на отдаленные пустыри. Хотя работать приходилось не каждый день, я научился отличать женщин, приходивших рожать, от тех, кто приходил за абортom. Я ненавидел тех, которые делали аборты и бросали своих детей.

Мне было десять лет, а Хулиану восемь. Дети, которые избавлялись от останков других детей.

Исабель стала к нам еще ласковее и поила укрепляющим тоником, возможно в надежде поддержать не только наше тело, но и дух.

«Вестник альенде»

ПОГИБ ПИСАТЕЛЬ ИГНАСИО СУАРЕС СЕРВАНТЕС

Леонардо Альварес

2 сентября 1985 г.

Мексиканский писатель Игнасио Суарес Сервантес, пятидесяти девяти лет, погиб в ДТП в результате лобового столкновения с другим автомобилем. Авария произошла на объездной дороге Хосе Мануэля Савалы после 18:00.

«Скорая помощь» доставила пострадавших в больницу, где писатель скончался.

Завтра останки Суареса будут перевезены в похоронное бюро Гайоссо, принадлежащее Феликсу Куэвасу, в Мехико, где состоится прощание.

Министр культуры, а также многие деятели культуры и искусства и политики выразили соболезнования.

Игнасио Суарес оставил после себя огромное литературное наследие, которое принесло ему несколько наград. Он пи-

сал сценарии для фильмов, и его последней работой стала «Кровавая игра».

Писатель сотрудничал с литературными журналами и вел еженедельную колонку в газете «Ла Пренса», ставшей для него родным домом.

Произведения в жанре нуар благодаря его самому известному персонажу, детективу Хосе Акосте, закрепили за Суаресом славу одного из величайших представителей этого литературного направления.

Мир праху его.

Среда, 4 сентября 1985 г.

7:23

Элена смотрит на себя в зеркало; взгляд натывается на седой волос, который она выдергивает вместе с двумя каштановыми. От нее пахнет переживаниями, постелью, грустью – такой запах исходит от людей, охваченных тоской, неверием, растерянностью, скорбью. Два дня назад Игнасио Суареса похоронили, и с тех пор она не выходила из своей комнаты, несмотря на попытки тети Консуэло ее вытащить.

После того как писатель покинул гостиницу, Элена первым делом расспросила сотрудников насчет брошенных под дверь фотографий. Она искала Игнасио в местах, где он часто бывал, а не найдя, пыталась отвлечься, решая текущие вопросы в «Посада Альберто» – гостинице, которой управляет. Элена работала без остановки, чтобы не думать и тем самым рассеять поселившуюся внутри тоску. Она чувствовала боль в груди и дрожь, на первый взгляд незаметную, но усиливающуюся с каждой секундой из-за отсутствия вестей от Игнасио.

Заперевшись в комнате писателя, Элена села на кровать и стала перелистывать страницы лежавшей на постели красной тетради. Игнасио всегда писал в одинаковых красных тетра-

дых, священных для него. Никому не позволялось вторгаться на расчерченную мелкой клеткой территорию, в дебри убогистого почерка, похожего на зашифрованное послание. Он ничего не зачеркивал и не вымарывал. Елена встала с кровати, потянулась за ручкой на столе и совершила грех вторжения в святая святых:

Засранец.

Идиот.

Где ты?

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.

Она оскорбляла его на бумаге, пока не уснула за столом. Поздно ночью Елена вышла в мятой одежде и с растрепанными волосами, чтобы узнать про Игнасио. «Не звонил? Не вернулся?» – спросила она у ночного охранника, но тот лишь пожал плечами. Остаток ночи Елена провела без сна и на следующий день снова занялась работой в гостинице, однако не переставала думать об Игнасио. На звонки домой в столицу (вдруг он там?) никто не ответил. Елена объехала улицы города в надежде найти машину писателя, позвонила в Красный Крест, в больницу, в полицию.

Было восемь двадцать шесть вечера (она точно знает время, потому что сверялась с часами в среднем трижды за минуту), когда прибежала Консуэло, сестра-близняшка ее матери, крича, что им нужно ехать в больницу: Хосе Мария, ее отчим, попал в аварию. Елена едва успела захватить сумку.

– А если позвонит Игнасио? Я не могу уехать. – Она в

нерешительности замерла на пороге.

– Ты в своем уме? – поторопила Консуэло, выхватывая у нее ключи от машины.

В городской больнице их принял дежурный врач и объяснил, что Хосе Мария в операционной с внутренним кровотечением.

– Он умрет? – спросила Консуэло.

Врач, молодой парень, недавно окончивший университет, замялся с ответом.

– Он в очень тяжелом состоянии, но жив. Сопровождавший его мужчина погиб.

– Кто с ним был?

– Я не знаю. Сюда же привезли водителя другой машины, совсем еще юнца.

– Елена, – раздалось у нее за спиной.

Обернувшись, женщина увидела Эстебана дель Валье, друга детства; это она познакомила его с Игнасио, когда тот изъявил желание поговорить с судмедэкспертом.

– Что ты здесь делаешь?

– Нам сообщили, что Хосе Мария попал в аварию, мы только приехали. Кажется, он в очень тяжелом состоянии. – Приблизив лицо к щеке Эстебана для приветствия, она уловила запах формальдегида, въевшийся в его одежду и кожу, ставший неотъемлемой частью его личности.

– Игнасио у меня, – прервал он.

– У тебя? Что он здесь делает? Я весь день его ищу.

Элена быстрым шагом направилась к моргу. Она знала дорогу, потому что однажды сопровождала Игнасио: тот приходил к Эстебану уточнить описание мертвого персонажа в книге, над которой тогда работал. В нарушение всех правил, больничных и своих собственных, Эстебан позволил им присутствовать во время процедуры. Игнасио поспорил с Эленой, что она не протянет здесь и пяти минут. Элена подошла к покойнику и поставила хладнокровный и окончательный диагноз: «Он словно из воска». Это была не первая ее встреча со смертью: она не рассказывала Игнасио, что в возрасте десяти лет нашла в поле своего деда, умершего от сердечного приступа. Годы спустя Элена несколько бесконечных минут глядела на труп брата Альберто, проигравшего битву с врожденными увечьями. Мертвец, к которому она не испытывала эмоциональной привязанности, вызвал у нее сильное любопытство. Однако само место, холод, следы крови, бело-зеленая мозаика, ощущение пребывания в склепе были невыносимы. В тот момент она осознала свою бренность, словно смерть близких преисполняла ее лишь грустью, тогда как незнакомый, чужой покойник заговорил с ней о конце жизни. «Мы приходим в этот мир, чтобы состариться и умереть, вот и все», – подумала Элена. От этой мысли свело живот, тошнота переросла в паническую атаку. Ей было так плохо, что Игнасио оставил насмешки при себе и весь день ее успокаивал.

– Что Игнасио понадобилось у тебя? – спросила Элена,

когда Эстебан ее догнал.

Мужчина перегородил ей путь, взял за плечи и очень медленно сказал:

– Игнасио умер. Он был с Хосе Марией в машине.

– Игнасио? Нет, не может быть! Наверное, ты его с кем-то спутал.

– Это Игнасио. Я не ожидал встретить тебя здесь, как раз поднялся, чтобы позвонить из приемной, – не хотел говорить с аппарата в морге. Я собирался начать... процедуру, когда подумал, что, возможно, ты не знаешь о его смерти. И тут услышал твой голос.

– Я хочу его увидеть.

– Нельзя, это запрещено.

– Я хочу его видеть, Эстебан. Мне нужно увидеть его.

Теперь, наконец оторвавшись от зеркала, Элена возвращается в постель, берет красную тетрадь Игнасио, с которой не расстанется уже сутки, находя в ней успокоение, и пишет:

Никогда не думала увидеть на железном столе твое тело, твой труп, тебя и в то же время совсем не тебя. Голого, распухшего, израненного, изуродованного, безучастного и такого мертвого.

Я отвечала на вопросы и заполняла бумаги в больнице, пока не явилась твоя бывшая жена с детьми. Эстебан позвонил им, сказал, что должен известить детей: хотя они и не были близки с отцом, следовало сообщить им о тво-

ей смерти. Я так ушла в себя, что не сразу поняла, о ком речь, пока один из них не назвал твое имя. Я сидела на пластиковом стуле, превратившись в простого зрителя, в свидетеля хождений туда-сюда твоих детей, преувеличенных и нелепых рыданий твоей бывшей, соболезнований, которые доставались ей. Во мне нарастал гнев, оттесняя печаль. Ты был моим покойником все то время, пока она ехала двести сорок пять километров из Мехико. Когда тело отдали, они повезли тебя на катафалке в Мехико, а я осталась здесь и на следующий день решила отправиться в столицу. Они забрали тебя, твое тело, и никто не объяснил мне куда; я тоже не спросила, не смогла этого сделать, чувствовала себя чужой. Ты принадлежал им, а не мне. После того как твоя семья уехала, Эстебан сообщил мне о похоронном бюро, куда тебя отвезут, но не захотел меня сопровождать.

Кем я была в твоей жизни? Любовницей на полгода – на каждый приезд? Что мне осталось от тебя? Возможно, только эта тетрадь. Проклятие. Меня без церемоний оттерли в сторону. Я сама отошла, не чувствуя себя вправе что-то требовать.

Во время отпевания в похоронном бюро твоя бывшая сидела перед гробом между двумя вашими детьми. Я избегала думать о ней все те годы, что мы были вместе, и почти убедила себя в ее отсутствии. Она так рыдала и икала, что священнику пришлось возвысить голос, чтобы перекрыть ее всхлипы. Она любит привлекать внимание. Не по-

нимаю женщин, которые, как она, не закрашивают седину. Не знаю, то ли они делают это из лени, то ли избегают хиппи, то ли восстают против системы, обязывающей женщин всегда быть молодыми, то ли они хиппи и не следят за собой или предпочитают тратить деньги на другие вещи. Я стояла у колонны, скрытая стеной людей в черном. Пришло много журналистов и творческой богемы всех мастей, актрис и актеров из твоих фильмов, художников, монтажеров, скульпторов и, конечно же, писателей. Я была незнакомкой и, возможно, единственной, кто расскажет тебе, как прошли твои похороны. Имеет ли это значение сейчас?

Священник утверждал, что знает тебя много-много лет. Я никогда не узнаю и не знала; мое место здесь, в параллельной вселенной, где ты жил шесть месяцев в году, более чем в двухстах километрах от мира, в котором я чужая. Если честно, я стараюсь сдерживаться, хотя, возможно, теперь у тебя есть доступ к моим мыслям и ты знаешь, что я в ярости.

Ублюдок. Ты ублюдок. Ты и Хосе Мария. Что ты с ним делал?

Во время отпевания твоя бывшая сморкалась так, что было слышно отовсюду, а потом совала грязные платки в лифчик. Один из ваших сыновей гладил ее по растрепанным волосам почти всю церемонию, прервавшись только на «Отче наш», когда взял ее за руку.

Нет.

Вру.

Она не уродина. Она не сморкалась и не держала носовые платки в лифчике. Правда в том, что она не плакала и сохраняла невозмутимость на протяжении всей церемонии. Священник мог говорить, не повышая голоса. Да, она не закрашивает седину и мне не нравится ее стрижка, все верно. Теперь ты знаешь. Это я плакала. Я была вдовой, а не та, которая не пролила по тебе ни слезинки.

Когда священник закончил и люди разошлись, я подошла к гробу. Меня так и подмывало стукнуть пару раз и спросить, там ли ты; единственным подтверждением была фотография на почетном месте у ящика.

Когда мы направились к кладбищу, пошел дождь, и, конечно же, кто-то сказал, что небо тоже грустит и прочие глупости, которые говорят перед лицом смерти. На кладбище яркие зонты выбивались из окружающей серости. Пройдя через ворота, мы словно попали в черно-белое кино – цветная картинка померкла. Вскоре дорожки превратились в грязевые потоки, в которых мы утонули едва не по щиколотку. Никто не знал, где тебя похоронят. После несчастного происшествия тело нельзя кремировать, его оставляют на случай дальнейших расследований на семь лет (если вдруг ты задавался вопросом, почему тебя не кремировали). Наконец нам показали дорогу.

Твои дети и бывшая жена встали возле разверстого чрева могилы.

Один из рабочих сообщил по рации, что яма готова. Я огляделась, чтобы увидеть, откуда тебя понесут. Забыла сказать: похоронное бюро напоминало цветочный магазин из-за количества композиций, которые затем привезли на кладбище и клали на другие могилы, так как здесь для них тоже не нашлось места. Кому-то пришла в голову идея раздать белые цветы, чтобы возложить их на твой гроб, – очень по-голливудски, хотя не слишком уместно для Французского кладбища в Мехико, где мы стояли впритык.

Когда прибыл гроб, небо осветилось молниями, а раскаты грома сопроводили твоё сошествие в землю, очень театрально. Дождь усилился, и некоторые снова открыли зонты, пока могильщики опускали гроб на веревках. Никто не произносил прощальных речей, и мы не могли бросить горсть земли или пожелать упокоения. Когда тебя опустили, то сразу начали закапывать. Кто-то кинул цветок в поглотившую тебя яму – твою последнюю остановку на пути в никуда. Остальные последовали его примеру. Напряжение спало – у подруги твоей бывшей, все это время находившейся рядом, даже случился приступ нервного, истерического смеха, отчего присутствующие тоже заулыбались. Под нарастающий стук капель мы в спешке пожелали тебе доброго пути; надеюсь, мы ещё увидимся.

Чувствуя опустошение, Елена медленно закрывает красную тетрадь, идет в ванную, включает кран и, вопреки обык-

новению, залезает в душ до того, как нагреется вода. Холодные струи стекают по ее плечам, шее, спине, груди, даруя уставшей коже мимолетное облегчение; капли на теле напоминают слезы, словно она плачет каждой порой. Елена берет шампунь и, намыливая голову, с закрытыми глазами думает о Хосе Марии. Со дня аварии она не ходила к отчиму, он в искусственной коме. Ополаскивая волосы, она чувствует, что вместе с грязью смывает и туман, который не давал ясно мыслить со дня смерти Игнасио.

Среда, 4 сентября 1985 г.

12:38

Элена Гальван провела больше часа в кресле рядом с Хосе Марией. Сама того не осознавая, она переняла ритм дыхания отчима. Ее гипнотизирует едва заметно поднимающаяся и опадающая грудь. Элена разглядывает покрытое пятнами, опухшее, в синяках и ссадинах лицо, усеянное бородавками и родинками, которые появились за двадцать лет брака с ее матерью. Она гладит его руку и чувствует запах тела, смешанный с больничным дезинфицирующим средством.

– Что произошло? – спрашивает она вполголоса, чтобы не разбудить тетю Консуэло, дремлющую в другом кресле.

Хосе Мария не отвечает.

Консуэло мотается туда-сюда между больницей и гостиницей с того дня, как ее зятя госпитализировали. Она должна заботиться о Соледад, своей сестре-близняшке, а теперь еще и о Хосе Марии. Кроме того, тетя взяла на себя дела гостиницы, которыми Элена полностью пренебрегала после похорон Игнасио.

– Он очнулся? – внезапно спрашивает Консуэло, потирая глаза, проводя рукой по лицу и пытаясь встать.

Элена качает головой.

– Подожди, не вставай резко, голова закружится.

– Во сколько ты приехала?

– Некоторое время назад.

– Надолго?

– Нет, мне нужно вернуться в гостиницу, чтобы разгрести текущие дела.

Консуэло медленно подходит к Хосе Марии, поправляет простыню, проводит рукой по редким седым волосам, целует зятя в лоб и похлопывает по груди.

– Просыпайся, – шепчет она ему на ухо, а затем говорит Элене: – Я приеду следом, посижу еще часик. Займись работой, это единственное, что поможет тебе излечить скорбь. Я рада, что ты выбралась из комнаты. – Консуэло подходит к племяннице, гладит ее по щеке и обнимает. – Давай, иди. Загляни к своей маме, мы про нее забыли со всем этим.

– Со всем этим, – повторяет Елена и думает, что больше никогда не увидит Игнасио.

Она сдерживала слезы, пока шла по коридорам. Выйдя из больницы, она садится в машину и с силой хлопает дверцей. Ком в горле не дает дышать. Елена наклоняется к рулю и плачет, машина трясется в такт ее рыданиям. Наконец она берет себя в руки, трогается с места и вытирает лицо рукавом свитера.

В гостинице ее останавливает дежурный администратор:

– У вас посетитель, он ждет уже больше часа, – говорит девушка, указывая на мужчину.

– Эстебан, что ты здесь делаешь?

Элена провожает друга в свой кабинет. Там одна из горничных вытирает пыль со стола.

– Я же просила не выбрасывать бумаги, которые лежат сверху, они могут быть важными, – упрекает она.

– А если я этого не делаю, вы ругаетесь, что я ничего не убираю.

– Оставь нас, – просит Элена, кивая на дверь.

– Я еще не закончила.

– Закончишь позже.

– Тогда только завтра, потому что сегодня уже не успею, – грозит горничная, встряхивая тряпку. Воздух наполняют сверкающие на свету пылинки.

– Выйди и закрой дверь.

Элена указывает Эстебану дель Валье на стул:

– В чем дело?

– Как ты, Элена?

– Плохо, очень плохо. С трудом встаю с постели, до сих пор не могу осознать произошедшее, все надеюсь, что Игнасио вот-вот появится в дверях. Я ездила в больницу к Хосе Марии, он до сих пор в коме. – Она прикрывает глаза руками и пытается подавить в зародыше бурю, которая собирается у нее внутри. – Черт, я без конца плачу.

Судмедэксперт молчит; робко протягивает руку, чтобы прикоснуться к ней, но тут же одергивает себя и переплетает пальцы. Элена встает и исчезает в ванной, а Эстебан прини-

мается нервно ходить по комнате; он также испытывает глубокую печаль из-за потери друга.

– Прости, Эстебан. Мне сегодня стоило гигантских усилий встать, и, если честно, единственное, чего я хочу, так это вернуться в постель, принять снотворное и проснуться через неделю, две или месяц, когда мне будет не так плохо.

– Я понимаю, не извиняйся. Прости, что беспокою. Я тебе кое-что принес. Решил его не сдавать, подумал, ты захочешь оставить себе.

Эстебан достает из кармана брюк цепочку с медальоном.

– Цепочка Игнасио...

Элена подносит руки ко рту, и пара слезинок скатывается по ее щекам.

– Извини. – Она вытирает глаза.

– Здесь изображен какой-то святой. Ты его знаешь?

– Нет. Игнасио говорил, что это покровитель, перед которым ему предстоит объясняться.

– Писательские штучки, наверное...

– Эстебан, я должна сказать тебе кое-что важное, – произносит Элена после затянувшегося молчания. – Утром того дня, когда Игнасио разбился, под дверь подсунули две фотографии убитых девушек.

– Что?

– Игнасио показал их мне, когда я проснулась. Я не разглядела лиц: снимки были сделаны издалека, «Поляроидом». На одном из них было написано: «Найди меня».

– «Найди меня»?

– Игнасио вел себя странно, сказал, что убийства – это послание для него.

– Где фотографии?

– Не знаю, он их забрал.

– Возможно, они среди его вещей, которые извлекли из машины, я выясню. Что еще Игнасио тебе сказал?

– Уходя, он попросил меня, если не вернется, сохранить все вещи из его номера и не отдавать ни детям, ни бывшей жене.

Эстебан расхаживает по комнате, нервно потирает руки и достает из кармана рубашки пачку сигарет.

– Можно? – спрашивает он, и Елена отрицательно качает головой.

– В гостинице нельзя курить.

Эстебан возвращает пачку в карман и делает еще несколько шагов по кабинету.

– Елена, послушай, не говори никому то, что я тебе открою. Когда я осматривал тела убитых девушек, меня прервали двое агентов и не дали закончить процедуру. Должно быть, здесь замешан кто-то из правительства или крупного бизнеса, влиятельные люди из города или штата. То же самое было пару лет назад, когда привезли тело парня, которого перед смертью изнасиловали и пытали, помнишь?

Элена качает головой, нетерпеливо барабаня пальцами по столу.

– Виновником тогда оказался сын какого-то министра. Его отправили за границу. Родственники погибшего просили честного правосудия, но распоряжением губернатора дело закрыли. Думаю, убийцу девушек не будут искать, потому что они уже знают, кто это. Я разведу насчет фотографий и скажу, если что-нибудь найду.

Они выходят из комнаты и молча идут к главным дверям, погруженные в свои мысли.

– Спасибо. – Елена прижимается щекой к щеке Эстебана и запечатлевает воздушный поцелуй. Наблюдая, как он садится в машину, она застегивает цепочку на шее, и медальон ложится ей на грудь.

Пятый фрагмент

Рассказывая о себе, я не хотел бы надевать венец мученика. В детстве мне нравилось представлять себя отважным героем романов. Я пристрастился к приключенческим книгам, читал Эмилио Сальгари, Стивенсона, Марка Твена. Мечтал быть принцем Сандоканом¹², графом Монте-Кристо, Эрролом Флинном из экранизации «Капитана Блада». Погружаясь в истории, я забывал, что ходил по городу с пакетами человеческих зародышей, воображал, что занимаюсь чем-то другим, лгал самому себе. Со временем ложь станет для меня образом жизни, я превращусь в профессионального лжеца, в писателя.

Сегодня утром я навестил Хулиана, чтобы уточнить некоторые воспоминания. У него иной взгляд на события прошлого. Абсолютной правды о том, каким было наше детство, не существует. Память обманчива. Мы сочиняем свою жизнь, поэтому я и люблю художественную литературу.

Жизнь – это огромная пустота, которую мы пытаемся заполнить и осознать, пока однажды, без предупреждения, нас не настигает смерть, и уже ничто не имеет значения: ни то, как ты жил, ни то, чем занимался, ни то, что помнишь.

¹² Сандокан – герой приключенческих романов Э. Сальгари, принц Калимантана, ставший главарем пиратов и получивший прозвище Тигр Малайи (*прим. ред.*).

В начале сентября 1940 года мне было четырнадцать лет и я разработал план, как сдать родителей полиции. В моем воображении он казался идеальным; на практике у него имелись недостатки. Я стал избавляться от пакетов все ближе к дому, квартал за кварталом, в надежде возбудить подозрения.

Я только что выплеснул ведро в канализацию, когда раздался стук в дверь. Фелиситас занималась пациенткой, Эухенией Флорес. Я побежал оставить ведро рядом с чаном для стирки, чтобы потом ополоснуть.

В дверь снова постучали. Мать сняла окровавленный халат и вышла, не заперев комнату на ключ: женщина потеряла слишком много крови и Фелиситас не смогла ее разбудить.

Не знаю, сколько женщин погибло в нашем доме. Вероятно, не одна, так как методы и навыки моей матери вряд лигодились для чрезвычайных ситуаций и непредвиденных обстоятельств.

Фелиситас вымыла руки, пригладила волосы и направилась к входной двери.

Опередив ее, я открыл и вздрогнул при виде двух полицейских.

– Да?

– Родители дома? Мы хотели бы задать несколько вопросов.

Я кивнул. «Пакеты, – пронеслось у меня в голове. – Они здесь из-за пакетов».

Мужчины последовали за мной в прихожую, где мать, не выказывая беспокойства, поприветствовала их.

– Сеньора, мы пришли задать вам несколько вопросов по поводу сообщения о найденном в квартале отсюда пакете со странным содержимым.

– Станным?..

– Не хотим вас пугать, – продолжил второй офицер. – Речь о человеческих останках, точнее – эмбрионах.

– Боже!

Зажав рот руками, Фелиситас опустилась на один из двух стульев, где женщины каждый день ждали своей очереди. Мать заметно разволновалась: она была уверена, что пакеты выбрасываются далеко от дома.

– Моя мама... – начал я, но слова застряли во рту. – Она...

– У моей жены больное сердце, ваш визит ее встревожил, – перебил отец.

– Мама, с тобой все в порядке? Тебе плохо? – спросил Хулиан. Я не заметил, когда он появился. Брат заговорил, пытаясь выгородить Фелиситас, и его поведение окончательно превратило нас в сообщников детоубийц.

Извинившись, офицеры попросили связаться с ними, если увидим поблизости что-нибудь необычное. Мы с отцом и Хулианом проводили их до двери, а затем отец конвоировал меня с братом назад. Фелиситас с криками набросилась на нас, размахивая лопатой, которой закапывали останки. Карлос Конде возвышался за спиной жены.

– Недоумки! Где я велела оставлять пакеты?

Хулиан толкнул меня, спасая от материнского удара, и мы оба упали. Затем, вскочив на ноги, кинулись к себе в комнату, хотя правильнее было бы выбежать на улицу вслед за полицейскими.

Отец предотвратил побег, схватив меня за шиворот. Хулиан из-за хромоты и боли в ноге не мог быстро передвигаться. Мать снова замахнулась лопатой и на этот раз глубоко порезала мне правую руку. В ответ я пнул Фелиситас. В четырнадцать лет я был выше ее как минимум на десять сантиметров – выше и сильнее, – но чувствовал себя беспомощным карликом.

От удара она упала. Я стряхнул отцовскую хватку. Хулиан кинулся за спасением в тот самый чулан, где его заперли несколько лет назад. Сцена повторялась. Я не успел добежать до входной двери: отец огрел меня лопатой по спине, оставив порез в форме полумесяца на правой лопатке, и я растянулся на полу лицом вниз.

– Нет, Хулиан! – услышал я крик Исабель и потерял сознание.

Очнувшись, я с трудом сообразил, что лежу щекой в липкой луже крови, натекшей с головы.

Помню только размытые образы.

Из комнаты, где Фелиситас принимала пациенток, вышла женщина. Родителей поблизости не было. Отец рассек Хулиану лоб той же лопатой.

– Отвезите нас в больницу, – потребовала Исабель у женщины. Позже мы узнаем ее имя – Эухения Флорес.

Эухения Флорес едва держалась на ногах. Мы сели в ее машину, и водитель отвез нас в больницу Хуареса, где нам обработали раны, а ей спасли жизнь.

Женщина взяла на себя расходы на наше лечение. Покинув больницу, мы с Хулианом отправились в комнату Исабель в одном из коммунальных домов на Калье-де-Месонес.

Среда, 4 сентября 1985 г.

18:33

Элена Гальван отхлебывает кофе из чашки, наблюдая за полетом ласточки, которая садится на высоковольтный кабель. Картинка напоминает нотные линейки. Сделав еще один глоток, она возвращается мыслями в материнскую спальню и ставит чашку на стол, где соседствуют лекарства, шкатулка, пепельница и фарфоровая статуэтка от «Льядро» с отбитыми руками. Элена подходит к матери и гладит ее по волосам, пока Консуэло кормит свою сестру-близняшку.

– Тетя, только представь: Эстебан сказал, что убийства девушек, возможно, не будут расследовать. Он не исключает, что замешана какая-то важная шишка, – говорит Элена шепотом, чтобы не разволновать Соледад.

Консуэло овдовела через год после свадьбы и не вышла замуж снова. Она вернулась в родительский дом, где тогда жила Соледад с детьми и первым мужем, и стала няней и второй матерью для племянников. Перед тем как войти в спальню матери, которую не видела со дня смерти Игнасио, Элена вытерла слезы и теперь старается не раскиснуть; она чувствует себя хрупкой, будто сахарной.

– Эстебану не следовало говорить тебе такие вещи, на-

верняка это полицейская тайна и он подвергает тебя опасности. – Консуэло кормит супом Соледад, устремившую взор в точку между стеной и пустым местом. Она открывает сестре рот, заводит в него ложку зеленой кашицы, затем массирует щеки, помогая сглотнуть. – Как думаешь, может, вставить трубку ей в желудок? Врач сказал, такое возможно.

Соледад широко распахивает глаза; последние несколько недель она контролирует движения век, и все живущие с ней выучили этот примитивный язык, давший Хосе Марии и Консуэло надежду на ее выздоровление. Для Элены надежда – место, полное ловушек и ведущих в никуда путей, мысленный трюк, чтобы сердце продолжало биться.

– Тетя! Нельзя говорить об этом при ней. Мы тебе ничего не будем вставлять, я не позволю, – обещает Елена матери, глядя ее по волосам. – Не волнуйся, мама. Ешь, пожалуйста.

Соледад отвечает неразборчивым гортанным звуком, и кашица вытекает у нее изо рта.

* * *

Один год, два месяца и двадцать один день назад у Соледад что-то лопнуло в мозгу, когда она наклонилась к баку с водой, где замачивала простыни с отбеливателем. Бак такой глубокий, что в детстве, в самые жаркие дни, Елена залезала туда целиком. Соледад повезло: садовник услышал всплеск и успел ее вытащить, прежде чем она захлебнулась. Врачи

объяснили, используя сложные термины и латинские слова, что у Соледад лопнул сосуд в мозгу и поэтому она упала.

Через несколько недель ее выписали, вернув Элене женщину с потерянным взглядом, отрешенную от мира.

Ей потребовались месяцы, чтобы избавиться от гнева на состояние матери; она винила врачей в том, что они навставляли в нее трубки вместо того, чтобы позволить ей умереть, и довели до состояния, присущего скорее растению, нежели человеку. Элена хотела подать в суд на больницу, но помешала срочная необходимость заботиться о Соледад и полностью взять на себя управление гостиницей. Она научилась разговаривать с матерью и отвечать самой себе, если не отвечал кто-то другой, почти всегда Консуэло или Хосе Мария.

«Посада Альберто» была домом родителей Соледад и Консуэло, Чоле и Чело, как их называли в детстве. Соледад со своим первым мужем превратили его сначала в пансионат, а затем в мотель, пока Элена не подросла и не стала понимать, что происходит за дверями комнат. Они вернулись к пансионату, чтобы дети не росли в обстановке торопливой любви, хотя постоянные клиенты ушли не сразу. А потом родители развелись. Элена выросла среди постояльцев, работая официанткой, горничной и администратором.

* * *

– Ты уже освободила комнату Игнасио? – спрашивает у

нее Консуэло на ухо, а затем подносит стакан с соломинкой к губам Соледад.

Игнасио Суарес внес плату за комнату номер восемь на весь год: хотя он жил в ней всего шесть месяцев, здесь был его второй дом.

– Еще нет.

– Придется, если хочешь использовать ее снова.

– Да, знаю. Займусь, как только мы закончим с мамой.

– Я позабочусь о ней, иди сейчас, нечего долго думать.

Консуэло делила с сестрой материнство, затем развод, управление гостиницей, а теперь стала ее штатной медсестрой. Придатком, идентичным переводчиком, отвечавшим на то, на что не могла Соледад, дополнением, позволяющим ей поддерживать связь с миром.

* * *

Элена выходит из материнской комнаты и пересекает патио. Ключ скользит в потной ладони. Она знает наизусть комнату, которую он отпирает. Элена лично следила, чтобы во время уборки не передвигали ни книг, ни тетрадей. Единственный раз, когда она осмелилась просмотреть бумаги и одежду в шкафу, Игнасио заметил и пригрозил выехать из гостиницы. «У меня фотографическая память, и я запоминаю детали, которые не помнит никто», – сказал он ей, перекладывая на место сдвинутые книги.

Элена распахивает дверь, не решаясь войти, чувствуя невидимый комок в горле, и прокашливается, чтобы унять волнение. Включает свет. Комната уже не та и, хотя она по полгода оставалась незанятой, теперь опустела по-настоящему: мебель, книги, бумаги, одежда, обувь, сигареты, пепельница, магнитофон – все внутри будто осиротело; даже на картинах, масках и фигурках демонов, вызывающих у Элены неприязнь, лежит отпечаток заброшенности. Она делает долгий, глубокий вдох, закрывает глаза и собирает волосы резинкой, которую всегда носит на руке как браслет; когда что-то заставляет ее нервничать, она перетягивает ниспадающий до середины спины каскад волос, которые упрямо красит в каштановый цвет.

* * *

Игнасио приехал три года назад. Припарковав машину в центре города, он спросил у полицейского, где можно остановиться; в этот момент по иронии судьбы Элена переходила улицу, и офицер ткнул пальцем в ее сторону:

– Есть одна гостиница, которую содержит семья этой женщины.

Игнасио увидел хвостик, танцующий в такт шагам. Ему понравилось движение волос, и он поспешил догнать женщину.

– Офицер сказал, что у вас есть гостиница, – обратился

он к ней посреди улицы.

Пытаясь скрыть испуг и учащенное сердцебиение, Елена ответила:

– Да, небольшая, семейное заведение.

– То, что мне нужно, хотя я не собираюсь приезжать с семьей. – Он подмигнул и добавил, протянув руку к пакету с фруктами: – Позвольте, я помогу. Не могли бы вы показать дорогу до гостиницы?

Игнасио кивнул на свою машину.

– Вы часто садитесь в чужие машины? – спросил он, когда она уселась на пассажирское сиденье.

– Нет, но мне нужно донести продукты, а с вами не придется топать пешком.

* * *

Элена подходит к неубранной постели; простыни смяты, как он их оставил. На кровати – книга, открытая на сто пятьдесят второй странице, где писатель сделал несколько пометок своим крошечным почерком, заглавными буквами. Сверху лежит черная шариковая ручка. Элена садится на кровать, берет книгу и читает написанное: «Жить – значит погрязнуть в трясине. Уйти – почти так же бессмысленно, как и остаться». Удивленная, она поднимает глаза от страницы, слова кажутся ей дурным предвестием.

Элена возвращает книгу на прежнее место, словно в лю-

бой момент может вернуться Игнасио со своей фотографической памятью. Она поглаживает подушку, хранящую отпечаток головы писателя, ложится и кладет голову в углубление.

Скидывает туфли, снимает брюки и заползает под простыни.

Зарывается носом в подушку, улавливает запах Игнасио и наполняет легкие и свое существо тем, что от него осталось.

Она скользит рукой вниз по блузке, между грудей, к правому бедру. Снова вдыхает, и вот уже правая рука, словно отделившись от тела, ласкает пах, живот, лобок под шелковыми трусами, вызывая легкий трепет; тело пробуждается от прикосновения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.